

500021-1 (НЛ-6Г)
С 170

63.3 (2)

С 170

Г. П. Самаев

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РОССИИ

Г. П. Самаев

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РОССИИ
(исторический обзор и документы)

Горно-Алтайск
1996

63.3(2Рос.Алт)

ББК

63.3(2Р-УАл-БГ)У

с 170

Спонсор издания: Горно-Алтайское предприятие нефтепродуктов (директор Н. М. ТАЙТАКОВ), «Предприятия Ефимовых» (директор А. В. ЕФИМОВ).

В книге рассмотрен длительный процесс присоединения Алтая к России. В основу работы легли предыдущие публикации автора, дополненные новыми материалами. В приложении дано большое количество исторических документов, в том числе текст Указа российского правительства от 2 мая 1756 года, на основании которого было удовлетворено обращение алтайских зайсанов о предоставлении им подданства России.

0
549410 ✓
Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Катанова

Лицензия ЛР № 030344 от 12 апреля 1993 г.

ISBN 5-7405-1292-1 С

© Самаев Г. П.

Предисловие

Предлагаемая читателю книга посвящена 240-летию Указа российского правительства от 2 мая 1756 г. о предоставлении российского подданства зенгорцам, т. е. алтайцам и другим подданным Джунгарского (Зенгорского) ханства, пожелавшим принять подданство России. В историческом обзоре рассмотрен весь длительный путь алтайского народа, приведший к вступлению в состав России, начиная с первых контактов алтайцев с русскими в начале XVII столетия и вплоть до оформления российского подданства восточных алтайцев в шестидесятых годах XIX в.

Публикуемые в книге документы извлечены из гос. архивов России или взяты из научных изданий, вышедших малым тиражом и известных узкому кругу специалистов. Повторное издание ранее опубликованных документов предпринята с целью сделать их доступными для более широкого круга читателей.

Алтайцы в период борьбы России и Джунгарии за Алтай (XVII — середина XVIII вв.)

**Этнический
состав,
расселение
и численность**

Коренное население Алтая состояло из нескольких родственных этнических групп, сформировавшихся на единой тюркской основе. Несмотря на языковые, антропологические, хозяйственные и иные особенности, все население региона составляло алтайскую этническую общность. Не будет ошибкой именовать указанную общность алтайским народом.

В составе алтайской этнической общности ведущая роль принадлежала теленгитам, к которым относилась подавляющая масса алтайцев. Этноним «теленгит» («теленгут», «теленгет») представляет собой древнее тюркское этническое наименование «теле», усложненное монгольским аффиксом множественности. Однако не все теленгиты XVII—XVIII вв. вели свое происхождение от древних теле. Предки многих входили в древнетюркскую эпоху в иные тюркские объединения.

В русских источниках XVII — середины XVIII в. теленгитов именуют чаще всего зюнгарцами, калмыками, теленгитами, телеутами и урянхайцами.

Ареал теленгитов включал всю территорию современного Алтайского края, часть территории нынешних Кемеровской и Новосибирской областей, так называемый Рудный Алтай в современном Казахстане, правые притоки Черного Иртыша, находящиеся теперь на территории Китая. Территория всех районов современной Республики Алтай, за исключением Чойского и Турачакского, также была населена теленгитами.

Теленгиты подразделялись на три основные части. Центральная группа называлась алтай-теленгитами или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов. За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название «телеуты». Сами они называли себя теленгитами или ак-теленгитами. Определение «ак»

(белый) связано, вероятно, с тем, что они обитали к западу и северо-западу от остальных теленгитов. Малочисленные потомки ак-теленгитов, смешавшиеся со своими кыштымами, сохранились ныне в основном на западе Кемеровской области¹.

Ак-теленгиты имели в своем составе большую группу данников-кыштымов, административно-родовые образования которых в русских архивных источниках именуется «волостями». Подобная волость представляла собой род или племя, состоящее из нескольких родов. В состав указанных кыштымов входили «волости» аскыштым (ачкыштым, ашкыштым), тогул (торгул), кереш, баян, таг-аба и др.².

О численности теленгитов в источниках соответствующего времени можно найти данные, относящиеся лишь к некоторым группам. По некоторым данным русских архивных источников можно довольно точно вычислить численность восточных теленгитов (Телесская «волость»). В апреле 1754 г. телесцы говорили русским посланцам, что у них 300 мужчин-воинов³. Известно, что в 1625 г. мужчин-телесцев ясачного возраста было 200 человек⁴. Таким образом, число, названное в 1754 г. вполне заслуживает доверия. Все население Телесской «волости» должно составить примерно 1500—1700 человек.

По данным китайских источников, относящихся ко второй четверти — середине XVIII века, ак-теленгитов, переселившихся к тому времени на запад Джунгарии, насчитывалось 4 тысячи кибиток⁵, т. е. минимум 20, максимум 30 тысяч человек. Минимальная цифра получается при условии, что одна кибитка равна одной семье с пятью членами. Максимальная цифра основана на том факте, что у алтайцев-скотоводов кибитка включала в среднем до 7,5 человек, о чем подробнее будет сказано ниже.

О численности ак-теленгитов и их кыштымов, не последовавших за большинством своих сородичей в Джунгарию, можно судить по материалам окладной ясачной книги 1763 г., где приведены данные более ранних лет, вероятно, II ревизского учета населения России, состоявшегося в 1744—1747 гг. Согласно данным указанной книги, в «Телеутской (подгородной белых калмыков) волости» числятся 507 человек

мужского пола. Всех лиц мужского пола Тагабской (род тагаба), Тогульской, Ашкыштымской, Подгородно-Керецкой (род кереш) и Баянской волостей насчитывалось 594 человека⁶.

Труднее всего судить о численности алтай-теленгитов. От их имени в сентябре 1755 г. обращались к русским властям 15 зайсанов, а в феврале 1756 г. 13 зайсанов. В последнем случае зайсаны заявили, что если понадобится, то могут отправить в поход до 2 тысяч воинов. Очевидно, численность всех мужчин была больше указанного количества, т. к. часть должна была остаться для охраны семей и скота⁷.

Прямых данных о численности людей, находившихся в ведении каждого из зайсанов, пока не обнаружено. Исключение составляет оток зайсана Омбы. Когда он вывел в 1756 г. почти всех своих людей (195 кибиток из 210) к Чакрынской крепости, то их оказалось 1427 человек⁸. Таким образом, на одну кибитку (или «дым») в отоке Омбы приходится в среднем немного меньше 7,5 человек.

В обращениях 12 алтай-теленгитских зайсанов к российским властям, поданных в 1756 году, два раза упоминается, что в их ведении находятся около полутора тысяч кибиток. Вероятно, отоки многих зайсанов к тому времени уже поредели в связи с многолетней междоусобицей в Джунгарии и начавшимися с 1753 г. набегами цинских войск на юго-восток Алтая.

Учитывая все приведенные данные, можно прийти к выводу, что в 15 отоках алтай-теленгитов до 1753 г. было около 15—20 тысяч человек.

Кроме теленгитов в алтайскую этническую общность входили три маленькие этнические группы: туба, чалканцы и кумандинцы. Этнотерриториальная группа, названная учеными, туба, или тубаларами, не имела общего самоназвания. Ранее указанным именем называли их южные соседи. Туба представляли собой по языковым, антропологическим и другим особенностям группу, переходную между теленгитами и чалканско-кумандинскими родами. В окладной книге 1763 г. в тубаларских волостях зафиксировано следующее число душ мужского пола. В Кергешской (Тиргешской) — 144, Комляшской (Комдошской) — 208, Южской (Юсской) — 48, Кузенской — 67. Численность всех тубаларов обоего пола составит, очевидно, около 934 человек⁹.

Ареал тубаларов охватывал северное побережье Телецкого озера, берега р. Бии, от истока до нынешней границы Республики Алтай, и территорию современного Чойского района.

Волость чалканцев, состоявшая из родов чалканыг и шакшылык, занимала бассейн р. Лебеди. В окладной книге 1763 г. она называется Шелкальской и включает 104 души мужского пола. Всех чалканцев было, очевидно, около 208 человек¹⁰.

Шакшылыки считали свой род кровнородственным ведущему роду соседних восточных теленгитов, «тёлёс». Возможно, это связано с тем, что они некогда отделились от телесов¹¹.

Административное образование кумандинцев именовалось в XVII—XVIII вв. Кумандинской или Кондомо-Кумандинской волостью. Видимо, до конца XVIII в. Кумандинская волость была единой, но внутри нее различались две части, называемые «верхней» и «нижней». Между 1763 и 1804 годами произошло разделение волости на две самостоятельные волости: Верхне-Кумандинскую и Нижне-Кумандинскую. В окладной книге 1763 г. волость кумандинцев числится под названием Кондомо-Кумандинской, в которой было 357 душ мужского пола, т. е. около 714 человек¹².

Определение «кондомская» употреблялось в XVII—XVIII вв. не только относительно Кумандинской волости. «Волостями и дючинами кондомских сборов» именовались все административные образования коренного населения, расположенные в кондомском направлении, т. е. к которым ходили за сбором ясака из Кузнецкого острога вверх по р. Кондома¹³.

**Общественно-
административное
устройство**

Еще до присоединения к Джунгарскому ханству общественно-административное устройство теленгитов было, по-видимому, однотипным с общественно-административным устройством ойратских племен. Десятичная система укоренилась на Алтае, вероятно, не позднее XIII—XIV вв., т. е. периода пребывания Алтая в составе Монгольской империи.

Перед приходом ойратов и русских на политической арене Алтая фигурировали, видимо, отоки и, возможно, подобные

им образования, обозначенные другими терминами. Алтайские отоки являлись XIII—XIV вв. территориально-административными единицами Монгольского государства, после распада которой во второй половине XIV в. стали самостоятельными политическими объединениями. Многие отоки были связаны между собой конфедеративными отношениями. Сам термин оток был заимствован, по мнению Б. Я. Владимирцова, тюрко-монголами из согдийского языка, в котором это слово в форме «отак» имело значение «страна», «территория»¹⁴. Можно также связать происхождение указанного термина с тюркским словом, обозначающим пастбище, и имеющим в своей основе корень «от» — трава.

Оток включал в свой состав группу родов и отдельных семей, обитавших на определенной территории и находившихся в феодальной зависимости от правителя отока — зайсана. Ведущее положение в отоке занимал, как правило, самый многочисленный род. Полукочевое или кочевое население отока могло относительно просто сменить территорию обитания, но на новом месте сохранялись прежние общественные отношения раннефеодального характера.

Административное устройство алтайских отоков джунгарского периода совпадало, по всей видимости, с устройством соответствующих административных единиц Джунгарского ханства. Во главе отока стоял зайсан (жайсан). Численность кибиток в отоках была различной, т. е. не регламентированной. Оток состоял из дючинов (төчин), возглавляемых демичами (темичи, темчи). В дючин должны были входить 40 кибиток. Название этой административной единицы связано с ойратским словом «дөчн» («дөчен») — сорок. В Джунгарии каждый дючин состоял из двух хоринов. (Буквальное значение слова хорин — «двадцать»). Хорин, включавший 20 кибиток, возглавлял шуленги. На низшей ступени административной лестницы стоял арбанак, управлявший арбаном. Наименование последнего подразделения означает «десять», так как арбан должен был состоять из 10 кибиток¹⁵.

Вероятно, на Алтае по отношению к указанным выше административным единицам и возглавлявшим их лицам употреблялись не только указанные термины, но и другие.

На Алтае, как и в Джунгарии, остатки патриархально-родовых традиций были приспособлены к нуждам государственного

аппарата. Обязанности государственных чиновников, управлявших административными единицами, возлагались, как правило, на родовых старшин. Таким путем был достигнут своеобразный компромисс между чисто административным делением населения на группы из 10, 20 и 40 кибиток и патриархально-родовыми традициями, при которых связующим началом низовых звеньев общества служили родственные отношения.

Зайсаны, демичи, шуленги, их родственники называли себя дыакшылар (якшылар), т. е. людьми благородного происхождения.

Рядовые скотоводы в XVII—XVIII вв. назывались «албаты» («албату»), т. е. обязанными уплачивать государственные подати (алба, албан). Наряду с албаты были в алтайском обществе социальные группы, составлявшие прислугу знати.

На самой низкой социальной ступени находились кулы — домашние рабы. Одним из постоянных путей поступления кулов были военные походы дружин алтайских зайсанов в составе джунгарского войска. В отоках теленгитов, вышедших в 1756 г. к Кузнецкой линии, переписью были выявлены «холопы», т. е. кулы, различной этнической принадлежности: «ханской земли», «казачьей орды», «бадышканской», «буруцкой», «китайской», «бухарской» и «кешиктукитайской» «земель»¹⁶.

Домашнего раба можно было дарить, продавать. Однако за его убийство полагался, согласно законам Джунгарии, большой штраф величиною в 20 голов крупного рогатого скота и 25 овец¹⁷.

Не одинаковым было и положение таких социальных групп, как буддийские ламы и камы (шаманы). Последние подвергались гонениям со стороны государства. Монголо-ойратским сводом законов («Их цааз»), принятым в 1640 году, было предусмотрено подвергать крупному штрафу не только шаманов, осмелившихся на камлание, но и тех, кто пользовался их услугами. Вероятно, в отношении шаманов применялись и более суровые меры, о чем свидетельствуют алтайские предания о сожжении камов в «ойратское время»¹⁸.

Среди алтайцев ламы были только в некоторых теленгитских отоках.

Хозяйство

Хозяйственные занятия алтайцев-теленгитов и северных алтайцев, обитавших в различных природных условиях, имели существенные различия. Основным направлением хозяйственной деятельности теленгитов было полукочевое (яйлажное) и кочевое скотоводство. Источники середины XVIII в. отмечают в составе скота теленгитских отоков лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз и верблюдов. Основными видами скота являлись первые три вида. Меньшее значение имело разведение коз, верблюдов и, вероятно, сарлыков (яков).

При яйлажном скотоводстве скот зимовал в долинах и с наступлением теплого периода перегонялся в высокогорные луга, откуда осенью возвращался на зимние пастбища. Малый снежный покров скотоводческих районов Алтая не требовал заготовки кормов на зиму. Однако незначительные запасы сена для подкормки все же делались. Заготовка сена производилась при помощи специального ножа-оргуш. Из нарезанной оргушем травы делались жгуты, обвязанные веревками, которых для просушки и хранения развешивали на деревьях.

Северные алтайцы скотоводством практически не занимались. По свидетельству архивных источников, в середине XVIII в. они содержали только незначительное поголовье лошадей, которых, вероятно, получали путем обмена у теленгитов, чтобы в последующем забить на мясо. Развитию скотоводства на севере Горного Алтая препятствовал глубокий снежный покров и отсутствие навыков стойлового содержания скота.

Охота имела у теленгитов подсобное значение. У северных алтайцев, напротив, она являлась преобладающим производственным занятием. Архивные данные свидетельствуют, что «пропитание оне более имеют от зверинова промыслу». Способы и приемы охоты у всех алтайцев были очень разнообразными. Практиковалась загонная охота, в которой участвовала большая группа охотников, численностью до нескольких десятков или сотен человек. Применялись самострелы, ловушки, петли. Популярным способом охоты на копытных была засада в укрытии рядом с кучкой соли, насыпанной, для предохранения от осадков, под хвойным деревом.

Рыболовство имело важное значение только у северных

алтайцев. Алтайцы-скотоводы ловлей рыбы почти не занимались.

Земледелие у теленгитов имело, как и охота, подсобное значение, хотя они были знакомы как с мотыжным, так и пашенным земледелием. Для рыхления земли применялась алтайская мотыга-абыл или плуг-андазын, однотипный с плугами, использовавшимися уйгурами, монголами и другими народами Центральной Азии. Тягловой силой при пахоте плугом служили лошади. По данным середины XVIII в., теленгиты сеяли яровой ячмень, пшеницу и рожь. Видимо, были также посевы проса. Зерновые культуры служили важным дополнением к мясомолочной пище. Из них готовили лепешки-теертпек, испеченные в золе, хлебцы-боорсок, которых пекли на коровьем масле, көчө-похлебку из очищенных зерен с добавлением мяса, талқан-толокно из поджаренных зерен, мучную похлебку-ботко и т. п. При недостатке собственных запасов зерна, его стремились восполнить путем обмена с земледельческими народами.

Для увлажнения пашен часто применялось искусственное орошение с прокладыванием каналов и сооружением акведуков.

Более важную роль играло земледелие у северных алтайцев. Они к середине XVIII в. выращивали яровой ячмень, пшеницу, горох и заимствованную у русских рожь. Более всего земледелие было развито у кумандинцев, а челканцы земледелием занимались мало. По данным 1745 г., они «сеют... один ячмень, и то самое малое число».

Для получения муки северные алтайцы пользовались водяными и ручными мельницами, которые у теленгитов были распространены, видимо, мало.

В богатой флоре Алтая было много растений, пригодных для употребления в пищу. Поэтому все алтайцы хорошо распознавали съедобные растения. Для северных алтайцев собирательство имело важное значение. Для выкапывания съедобных корней у алтайцев существовала специальная копалка с железным черенком с выступом для ноги.

Ремесло у алтайцев имело домашний характер. Его наиболее значимой отраслью было повсеместно распространенная выплавка железа и изготовление железных изделий. «Все...

имеют в горах руду железную, которую они сами в юртах... по малому числу плавят железо и делают котлы, топоры...», — говорится в описании алтайцев от 1745 г. Железо получали, очевидно, в виде крицы в кричных горнах.

Алтайские мастера умели делать фитильные ружья и порох. Приобретению ими опыта изготовления огнестрельного оружия способствовало налаженность этого дела в Джунгарии, где производством пушек и ружей ведали специальные чиновники. В источниках отмечены факты вызова алтайских умельцев в Джунгарию для работы в железоделательном производстве.

Алтайцы умели делать ткани при помощи ткацкого станка-соксун. Для выработки нити использовались в основном волокна конопля¹⁹.

Соседи алтайцев

В начале XVII в. среди народов, окружавших Алтай, наиболее значительными являлись русские, ойраты, халха-монголы государства Алтын-ханов и казахи.

Ойратами принято называть западных монголов. Однако во времена Джунгарского ханства и долгое время после его падения указанный этноним служил собирательным наименованием не только монгольских, но и многих тюркских родоплеменных групп, входивших в состав Джунгарии.

Объединение ойратов представляло собой союз четырех племен — «Дорбон Ойирод». Статус больших племен, участников союза, имели племена чорос, дэрбэт, хошут и торгут. После перекочевки основной массы торгутов в Нижнее Поволжье, статус большого племени получили хойты, входившие в состав дэрбэтов.

Государство ойратов принято называть Джунгарией. Со времен Чингис-хана монголы имели традицию делить население и армию своей страны на два крыла: левое (зюн гар) и правое (барун гар).

На каком-то этапе истории ойратов за ними или за их частью закрепилось название «зюнгар», которое они сохраняли и в последующем, хотя уже перестали быть «левым крылом».

В XVI — начале XVII в. ойраты населяли пространство

между озером Убсу-нур и южной оконечностью Алтайских гор. Благодаря продолжительной мирной жизни численность ойратов и количество их скота постоянно росло. Стала остро ощущаться нехватка пастбищ. Однако ойраты были еще слабы, чтобы расширять свою территорию за счет ближайших соседей. Главы ойратских племен вели постоянную борьбу за лидерство, что препятствовало сплочению народа.

Наиболее легким путем приобретения новых пастбищ было продвижение вниз по Иртышу в малонаселенные степи. В самом конце XVI в. первая группа ойратов начала перекочевку вдоль Иртыша в северо-западном направлении. В начале XVII в. большая группа ойратов во главе с Хо-Орлюком направилась на запад, все больше отдаляясь от соплеменников. В 30-х годах XVII в. переселенцы достигли Нижнего Поволжья, где и обосновались. Большинство переселившихся принадлежало к племени торгутов. В последующие годы в Нижнее Поволжье прибыло еще ряд ойратских групп.

За переселенцами закрепилось название «калмыки». Они создали Калмыцкое ханство, находившееся в вассальной зависимости от России.

С уходом из Джунгарии основной массы торгутов, среди оставшихся ойратов усилилось племя чорос во главе с Хара-Хулой (Кара-Кула). В 1634 г. Хара-Хулу сменил его сын Батур, продолживший политику объединения ойратов. Большим препятствием к созданию единого государства были хошуты, князья которых не хотели подчиняться Батуру. В 1635 г. большинство хошутов отделилось от остальных ойратов и направилось в сторону озера Кукунор. Этот год считается датой основания Джунгарского ханства, т. к. все оставшиеся на родине ойраты признали верховную власть Батура, который стал именоваться, в отличие от остальных князей-тайджи, титулом контайджи (хунтайджи)²⁰.

Гегемонство в западно-монгольских степях и Южной Сибири оспаривало у ойратов в XVII в. государство Алтынханов. Ханство, основанное на рубеже XVI—XVII вв. Шолоем Убаши, включало территорию между озерами Хубсугул и Убсунур. По примеру первого хана, Шолоя Убаши, все последующие представители династии, восходя на престол,

принимали титул Алтын-хан (Золотой хан), в связи с чем ханство именуется государством Алтын-ханов.

Основное население ханства составляло монгольское племя хотогойт. На территории ханства проживало также много тувинцев²¹.

Алтын-ханы и Джунгария вели борьбу за владение Западной Монголией, Тувой, Алтаем и енисейскими кыргызами. В 1667 г. государство Алтын-ханов потерпело поражение от ойратов. Пришедшее к упадку государство было в 1682 г. присоединено к владениям монгольского Дзасакту-хана²².

Западными соседями алтайцев были казахи Среднего жуза. В начале XVII в. ак-теленгиты опасались набегов со стороны казахов. Однако с появлением в прииртышских степях больших групп ойратов, казахи отделились от Алтая.

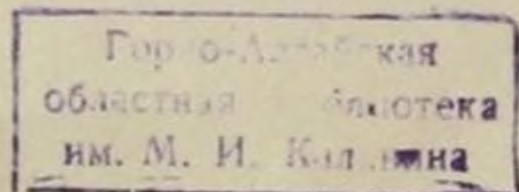
Территорию современной Хакасии и прилегающих районов Красноярского края занимали княжества енисейских кыргызов. Усиление государства Алтын-ханов привело к зависимости енисейских кыргызов от указанного ханства. Позднее, с возвышением Джунгарского ханства, енисейские кыргызы попали в зависимость и от ойратов.

В XVII в. у алтайцев появились новые соседи — русские. После присоединения к России в середине XVI в. Казанского ханства, русские во главе с Ермаком разгромили в 1582 г. Сибирское ханство. Хан Кучум бежал с частью своих людей на восток, однако в 1598 г. потерпел окончательное поражение на р. Ирмен, впадающей в Обь (на территории нынешней Новосибирской области).

На землях бывшего Сибирского ханства стали строиться русские крепости. В 1586 г. была основана Тюмень, затем возникли Тобольск, Тара, Сургут и другие.

Соседи алтайцев, тюркские племена бараба, чат, зушта, входившие ранее в состав Сибирского ханства или являвшиеся его вассалами, стали принимать русское подданство. Барабинцы, населявшие современную Новосибирскую область, и чаты, обитавшие на севере нынешней Новосибирской и на западе современной Томской областей стали платить ясак после 1598 г.

В 1603 г. отправился в Москву вести переговоры об условиях вступления в состав России своего племени князь Тоян (Тоен) — глава зуштинцев, проживавших на юге Том-

ской области. Он просил, чтобы от эуштинцев не брали ясак. В 1604 г. на землях эуштинцев был построен Томский острог. Границы России подошли вплотную к землям ак-теленгитов.

Первые контакты алтайцев и русских В начале XVII в. ак-теленгитами правил князь Абак из рода мундус. Ко времени прихода русских ак-теленгиты были еще едины. Позднее центробежные устремления высшей знати привели к потере великокняжеской власти и к самостоятельности уделов.

После разгрома Сибирского ханства, русские власти стали добиваться принятия главами родо-племенных групп Западной Сибири подданства России. После окончания строительства Томского острога, с указанной целью были направлены русские посланцы во главе с И. Поступинским и Б. Константиновым к князю Абаку. Глава ак-теленгитов обещал весной явиться в Томск для переговоров, однако администрация острога не дождалась его. В последующем ставку Абака посетило еще несколько русских посланников. Абак посылал с ними подарки русским властям, но от поездки в Томск уклонялся.

В феврале 1609 г. томский воевода отправил к ак-теленгитам еще одну группу эмиссаров во главе с Иваном Коломой. В состав группы был включен эуштинский князь Тоян. На поездку в Томск Абак согласился только после того, как Тоян поклялся, что главу ак-теленгитов не обратят в Томске в заложника-аманата.

По прибытии в острог Абак произнес шерть-присягу и участвовал в сопутствующих обрядах. Значение указанного события трактовалось русскими властями как принятие подданства России и присягу на верность царю. Однако сам ак-теленгитский князь воспринимал все это несколько иначе. Во-первых, он отказался платить ясак, что было основным признаком подданства. От ясака можно было освободиться, добившись включения в сословие служилых. Однако Абак не изъявил желаний обратить своих людей в служилых. Таким образом, Абак приехал добиваться не подданства, а статуса союзника. Он обещал русским оказывать военную помощь в борьбе с их врагами. В то же время просил, чтобы русские власти помогали ему в случае набега со стороны Алтын-ханов или казахов. Многие слова из шерти, якобы произнесенное

Абаком в остроге, представляют скорее иллюзию томских властей, запечатленную местным дьяком или подъячим в соответствии с установленным трафаретом, нежели подлинные слова князя, не знавшего ни русского языка, ни русской грамоты.

В 1618 г. томскими служилыми на месте городища Аба-Тура, созданного местным родом аба, был заложен Кузнецкий острог, ставший опорой для продвижения России на юг. Воеводы, направляемые в новый острог, наставлялись Москвой не только оборонять новые пределы России, но и расширять границы, постоянно увеличивать число плательщиков ясака. Например, Евдокиму Баскакову, посланному в 1622 г. в Кузнецк воеводой, указывалось: «кузнецких... людей всех привести под... высокую руку и ясак имати на государя собольми и всякою мягкою рухледью и шеломами и рогатинами и саблями, кому чем мочно ясак... давать». «А буде которые... ясачные люди ясак... давати не учнут...», — говорилось далее в наказе воеводе, — велено над теми кузнецкими... людьми промышляти».

Первыми были обращены в ясачных предки современных щорцев. В то время они не имели этнического единства и общего самоназвания. Одним из крупнейших у них был род щор. Среди остальных родов XVII в. известны аба, кобий, чедибер, челей, карга, таяш, кый, калар и другие.

Верховья р. Кондомы, населенные объясаченными щорцами, и Северный Алтай разделял не очень высокий горный хребет, ныне называемый Бийской Гривой. В 1625 г. отряд кузнецких служилых во главе с Сидором Федоровым и Иваном Путимцем решил перевалить Бийскую Гриву. Первыми были встречены и подверглись шертованию чалканцы на р. Лебеди. По требованию служилых, 20 выявленных мужчин-чалканцев сдали в счет ясака 20 шкурок соболей.

В том же году отряд служилых во главе с Никоном Волковым — сборщиком ясака, прибывшим из Томска, направился из Кузнецка за Бийскую Гриву объясачивать тубаларов. В Тиргешской и Комдошской «волостях ими было обложено ясаком 50 мужчин.

Не все тубалары изъявили готовность платить ясак под дулами пищалей военных отрядов, пришедших из Кузнецка. Например, отряд во главе с Петром Дорофеевым, направлен-

ный 11 января 1627 г. в «новые землицы», встретил упорное нежелание подчиниться и уплатить ясак со стороны «волости», населенной родами чагат, тибер и тогус. Состоялся бой, в котором тубалары были разгромлены. Шестеро тубаларов, попавших в плен, были уведены в Кузнецк. Из них троих более знатных оставили в остроге, а остальных 21 марта отпустили с условием, что они вернутся с ясаком от разгромленной волости и с выкупом за оставшихся в Кузнецке соплеменников.

Вслед за указанными «волостями» тубаларов были объяснены остальные тубалары и кумандинцы.

Подчинение северных алтайцев открыло перед кузнецкими воеводами путь в низовья Бии и Катуня, населенные теленгитами. Много усилий потребовалось кузнечанам для покорения Керсагальской «волости», ядром населения которой был род керсагал (возможно, кыр-сагал). О ранних взаимоотношениях Кузнецка и керсагальцев нет данных. Известно, что они в 1632 г. дали ясак. Однако в последующем керсагальцы более десятка лет отказываются от уплаты ясака и пытаются привлечь на свою сторону другие ясачные волости. 21 февраля 1643 г. кузнецкий воевода отправил в поход на керсагальцев отряд из 108 служилых во главе с Петром Дорофеевым и Кузьмой Владимировым. Керсагальцам был предъявлен ультиматум: уплатить ясак за 10 лет по 10 соболей с человека за каждый год. Однако они, имея около сотни воинов, предпочли принять бой. Огнестрельное оружие служилых сыграло свою роль: керсагальцы потерпели поражение и отступили. В плен были захвачены семьи керсагальских воинов и «мужик» по имени Билачи. После приведения в Кузнецке к шерти, Билачи был отпущен с поручением передать керсагальцам требование воеводы о явке керсагальской знати в Кузнецк для шертования и уплаты ясака. Керсагальцы сами не решились явиться в острог, но послали ясак с ясачными Когодеева улуса. Посланцы керсагальцев сообщили, что «лучшие люди» Керсагальской «волости» придут в Кузнецк для шертования после весеннего паводка.

Долго боролся с ясатчиками Телесский оток, расположенный южнее Телецкого озера. По некоторым данным объяснение телесцев приходится на 1622 г. Видимо, эти сведения не точны. Телесцы жили за спиною чалканцев и Тиргешской

«волости» тубаларов, впервые объясачанных в 1625 г., и попасть в Телесский оток из Кузнецка можно было только через их земли.

Достоверно известно, что в 1625 г. в Телесский оток пришел отряд кузнецких ясатчиков во главе с Сидором Федоровым и Иваном Путимцем и взял от телесцев ясак величиною в «пятьдесят соболей и недособолей». В то время мужчин телесцев ясачного возраста насчитывалось 200 человек. Господствующим в отоке был род телес (төлөс). Управлял отоком князь Мандрак с помощью своего сына Айдара.

В 1627 г. князь Мандрак уплатил «с телесских мужиков» 60 соболей и 2 лука, оцененных в 10 соболей. В 1630 г. с Телесской волости ничего не удалось взять, так как телесцы «отказали в ясаке». На следующий год согласились дать ясак только 22 человека.

Для возвращения телесцев «под государеву руку» требовалась организация похода крупными силами, так как военный потенциал Телесского отока был довольно значительным. Для Кузнецка это оказалось затруднительным, и задача приведения в покорность телесцев была возложена на Томск. В феврале 1633 г. отряд томских служилых, возглавляемый Петром Сабанским, выступил в поход. Одной из главных задач отряда было построение острога в верховьях Бии.

Мандрак не выразил покорности, но бой оказался для него неудачным: попали в плен его жена, сын Айдар и невестка. Однако Сабанскому не удалось разбить основные силы телесцев и построить острог. Служилые вынуждены были вернуться в Томск. В следующем году Мандрак прибыл в Томск для выкупа пленных. Здесь от него взяли обязательство уплачивать за каждого из мужчин своего отока годовой ясак по 10 соболей. Айдар был отпущен, но самого Мандрака кузнецкий воевода оставил в остроге в качестве аманата. В острогах были специальные «аманатные избы» и «аманатные дворы» для содержания заложников из числа знати местных родоплеменных групп. В случае отказа соплеменников аманата от уплаты ясака или враждебных действий, аманат мог быть казнен.

Телесский князь пробыл в аманатах около 7—8 лет, после чего был отпущен на родину, вероятно, после замены его другим аманатом.

Возвращение Мандрака привело к новому отложению Телесского отока. Ответом на это послужила большая карательная экспедиция 1642 года во главе с П. Сабанским. Отряд томичей был усилен кузнецкими служилыми. Внезапного удара по телесцам не получилось, так как Телецкое озеро, через которое Сабанский рассчитывал перейти по льду, оказалось незамерзшим. Сабанский вынужден был строить плоты, а Мандрак и Айдар между тем успели создать укрепленный городок.

Для удара по городку Сабанский послал по озеру П. Дорофеева с 80 служилыми, а сам остался с резервом в лагере. Чтобы помешать высадке неприятеля, Мандрак совершил вылазку, но люди его с уроном были отбиты. Сам Мандрак, отрезанный от городка, пытался уйти к сойонам, но был настигнут и пленен. Осада телесского городка затянулась. Айдар не сдавался, ожидая откуда-то помощи. Помощь подоспела по озеру через 12 дней после начала осады. Айдар, услышав шум боя, повел своих людей на порыв. Однако большая часть его воинов была «побита», сам он попал в плен. Подмога, высадившаяся на берег, была отброшена и в панике бежала к своим лодкам. Большинство лодок, успевших отплыть, было потоплено при преследовании по озеру.

Одержав победу, Сабанский отправил в Кузнецк часть своего отряда, чтобы не иметь недостатка в продовольствии, а с остальными переправился на другой берег озера в поисках удобного места для строительства острога. Такого места найти не удалось, поэтому было сооружено лишь небольшое укрепление. Вернувшись, он советовал русским властям построить острог в устье реки Лебеди, но план его не был принят.

Мандрак, захваченный в плен, был отпущен на 12 дней для сбора ясака, особенно с дальних аилов, обитавших вверх по р. Чолушману. Ему удалось собрать 50 соболей. Сабанский, зимовавший на берегу Телецкого озера, весной ходил вверх по р. Кокши, впадающей в озеро, объясачивая местных жителей. Мандраку в это время удалось бежать, но позднее он сам пришел в Томск и остался в аманатах. Айдар и другие пленники, после прибытия Мандрака, были освобождены.

В том же 1642 г. к телесцам прибыл пятидесятник К. Владимиров с требованием полностью уплатить ясак за 1639 и 1640 годы. Владимиров имел также поручение привести

Айдара или его сына в Кузнецк, чтобы оставить в аманатах. Однако Айдар отказал в этом и, более того, требовал отпустить Мандрака. В случае освобождения отца, он обещал уплатить за 1642 г. «ясаку полтораста соболей». В противном случае Айдар угрожал впредь ясака не давать, а ясатчиков «побивать». Не имея достаточных сил для наказания Айдара, кузнецкий воевода Д. Кафтырев писал в Сибирский приказ, что взятый в Кузнецк аманатом князь Мандрак умер, в аманатах осталась его жена, но она приходится Айдару лишь мачехой, «а послать на... телесских людей... войною некого, в Кузнецком остроге служилых мало». В «царской грамоте» Д. Кафтыреву от 30 мая 1642 г. сообщалось, что томскому воеводе и стольнику направлено распоряжение послать на подмогу кузнецкому воеводе необходимое количество служилых.

В 1645 г. из Москвы было указано князя Айдара подвергнуть смертной казни. Кузнецкий воевода А. Зубов много раз посылал к нему своих людей, пытаясь выманить Айдара в Кузнецк. Однако мятежный князь отвергал все предложения воеводы и «под царскою рукою быть не похотел». В 1646 г. А. Зубов организовал новый поход в Телесскую землю во главе со своим сыном Борисом. Айдар потерпел поражение: попали в плен и были уведены в Кузнецкий острог многие телесцы, в том числе его жена и дети. Для выкупа пленных и шертования прибыли в Кузнецк в 1647 г. представители телесцев. Немного позднее приехал сам Айдар в сопровождении троих знатных телесцев. Русские власти хотели оставить в аманатах самого князя, но Айдару удалось оставить вместо себя аманатом знатного соплеменника.

Телесская земля пребывала в покорности недолго. В 1652 г. телесцы оказали помощь сойонскому князю Манзею в разгроме отряда кузнецких служилых, возглавляемого Шестаком Яковлевым. Отряд Яковлева был послан кузнецким воеводой для объясачивания сойонов, обитавших в бассейне р. Чуи. Кузнечанам удалось взять ясак с сойонских семей, живших по Катуню около устья Чуи. Затем отряд телесцев во главе с Босеем участвовал в набегах сойонов под Кузнецк.

В отместку за новую «измену» телесцев последовал в 1653 г. поход в Телесскую землю отряда под предводительством опытного командира П. Дорофеева. Однако в пути стало известно, что телесцев уже нет в прежних местах.

Опасаясь очередной карательной экспедиции, они в предыдущем году переселились. Вероятно, они ушли за Курайский хребет в бассейн Чуи в сойонские кочевья.

Точное время возвращения телесцев на Телецкое озеро неизвестно. Вероятно, возвращение состоялось после того, как русские власти ради умиротворения телесцев пошли на уступки: перестали требовать от них аманатов и согласились на небольшой ясак величиною в 60 соболей в год со всего отока.

В первой половине XVII в. русскими властями были полностью или частично объясачены также многие другие «волости» алтайцев, например, Аскыштымская, Тогульская, Тагабская, Керецкая²³.

**Проблема
двоеданцев.**

В то время, как с севера алтайцы подвергались объясачиванию со стороны русских, с юга их подчиняли ойраты.

История присоединения алтайцев к Джунгарии почти неизвестна в связи с отсутствием источников. По всей видимости, часть алтайцев попала в зависимость от ойратов еще до образования Джунгарского ханства. Со сложением ойратского государства, позиции ойратов на Алтае и в Южной Сибири стали несравненно прочнее. Джунгары взимали с подчиненного населения подать или дань, называемую албан (алба). Указанный термин вошел в русские источники так, как произносили северные алтайцы и шорцы — алман.

Трудно сказать, какие группы алтайцев были подчинены вперед ойратами, чем русскими, и наоборот. Но уже к середине XVII в. многие группы оказались в двойном подчинении: России и Джунгарии. Им приходилось уплачивать двойную дань. В таком положении оказались не только алтайцы, но и многие другие племена и народы Сибири: шорцы, барабинцы, часть хакасов и т. д.

Среди алтайцев двоеданцами были тубалары, чалканцы, кумандинцы, восточные теленгиты (Телесская «волость»), актеленгитские кыштымы (Аскыштымская, Тагабская, Тогульская, Керецкая, Баянская и др. «волости») и несколько подразделений алтайтеленгитских отоков.

В 1640 джунгарский хан Батур высказал идею двоеданничества и двоеподданства населения спорных территорий, в том

числе Алтая. Обе стороны в ходе многократных переговоров пришли к признанию права и России, и Джунгарии на сбор дани со спорного населения. Однако не было достигнуто согласия в том, какие этно-территориальные группы и отоки относить к двоеданцам, а какие считать бесспорно принадлежащими той или иной стороне.

Статус двоеданнических волостей был различным. Одни находились в большой зависимости от России, другие — от Джунгарии²⁴.

**Переселение
ак-теленгитов
и колонизация
Россией
Степного Алтая**

В течение XVII в. ак-теленгитам удавалось сохранять независимость в отношениях с Россией, несмотря на многие военные походы русских властей против них. По отношению к Джунгарии ак-теленгиты старались тоже сохранить независимость, и на протяжении XVII в. они были либо независимы от ойратов, либо зависимость их была номинальной. С конца столетия зависимость ак-теленгитов от Джунгарии усиливается.

В начале XVIII в. Россия усиливает давление на ак-теленгитов, пользуясь ослаблением Джунгарии в результате междоусобной борьбы и поражения от Цинской империи в самом конце XVII в. Ак-теленгиты стали перед выбором: превратиться в ясачных или уходить в районы, полностью контролируемые Джунгарией. На уходе ак-теленгитов с Приобья настаивал и джунгарский хан, боявшийся, что они уйдут из-под его власти.

В 1713 г. основная масса ак-теленгитов покинула прежние места обитания. В первое время они находились в районе озера Зайсан, откуда часть их могла временами выкочевывать в верховья Алея и Чарыша, в места предыдущего обитания. Позднее ак-теленгиты были переселены за р. Или и жили до 1756 г. недалеко от озера Иссык-Куль, где было их 4 тысячи кибиток (семей) во главе с 4 зайсанами.

После ухода основной массы ак-теленгитов, на прежних ак-теленгитских землях остались их кыштымы-двоеданцы: Аскыштымская, Тагапская (Тагабская) и другие «волости»,

и небольшие группы собственно ак-теленгитов, принявших ранее русское подданство.

На землях, покинутых ак-теленгитами, появляются русские крепости. В 1716 г. был построен Бердский острог, двумя годами позднее появилась Белоярская крепость. Вместо сожженного ойратами и алтайцами в 1710 г. (построена в 1709) Бикатунской крепости в 1718 г. была построена Бийская крепость. На западной окраине алтайских земель в 1720 г. закладывается Усть-Каменогорская крепость.

В степном и предгорном Алтае стали строиться предприятия по добыче и обработке руд цветных и драгоценных металлов. Так появились Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Шульбинский, Змеиногорский и другие рудники и заводы, число которых к середине 40-х годов дошло до сотни.

Для прикрытия рудников и закрепления за собою степного и отчасти предгорного Алтая Россия построила укрепленную линию, состоявшую из цепи крепостей, редутов, форпостов и т. п., полукольцом охвативших Алтайские горы. Эта цепь укреплений, получившая название Колывано-Кузнецкой военной линии, начиналась от Усть-Каменогорска и шла через Бийск к Кузнецку. К середине века линия состояла из 9 крепостей и 53 редутов²⁵.

**Статус
алтай-теленгитов
в составе
Джунгарского
ханства**

Уже в XVII в. алтай-теленгиты, составлявшие около половины всех алтайцев, были, в отличие от других групп, тесно связаны с Джунгарией. В русских источниках о них мало сведений. Более всего известно их положение перед присоединением к России в середине XVIII в. Сохранились имена многих зайсанов, демичей и других лиц. Однако почти нет данных об их родовой принадлежности, знание которой очень важно для исследователя в связи с отсутствием в то время фамилий и отрывочностью сведений, извлекаемых из немногочисленных источников.

Известно существование Кыпчакского отока, где зайсанским был род кыпчак. Им управлял зайсан Кутук. В отоке зайсана Омбо господствующим был, видимо, род иркит. Известны также Сойонский и Бурутский отоки. В отоке зайсана

Намыка Еманаева был либо господствующим, либо одним из самых крупных род мундус. Вопрос о том, во главе каких родов стояли остальные зайсаны, требует скурпулезного исследования.

Алтай-теленгитские отоки были обязаны, как и собственно ойратское население ханства, уплачивать ежегодно алман джунгарскому хану. В круг их обязанностей входило также участие со своими отрядами в военных походах джунгарского войска. Возлагалась на алтайских зайсанов, ввиду их проживания в пограничных районах, и охрана границ. При обсуждении дел общегосударственного значения и при решении вопросов, касающихся алтайцев, алтайские зайсаны вызывались в Ургу — ставку хана. Алтай-теленгитским зайсанам часто поручался сбор алмана с двоеданцев.

Видимо, статус алтай-теленгитских отоков был практически равным со статусом собственно ойратских отоков²⁶.

Падение Джунгарии и присоединение алтайцев к России

Смерть
Галдан-Церена
и борьба
за престол

Наивысшего могущества Джунгария достигла в годы правления Цеван-Рабдана и его сына-наследника Галдан-Церена. Возглавивший государство в 1727 году, Галдан-Церен приложил много усилий

для его укрепления.

В середине XVIII в. население Джунгарии составляло около 1,5 млн. человек. В основном это были занимавшиеся главным образом скотоводством ойраты — около 1 млн. человек, и оседлое тюркское население земледельческих оазисов Восточного Туркестана.

Галдан-Церен умер в 1745 году, завещав ханский трон несовершеннолетнему среднему сыну Цеван-Доржи-Аджа-Намжилу, так как старший сын, Лама-Доржи, был рожден от

наложницы. Наследник был провозглашен ханом в 1746 г. под именем Аджа-хана. Через несколько лет он казнил по подозрению в заговоре многих представителей высшей знати. Обеспокоенные действиями молодого хана муж его сестры Саин-Белек, брат Лама-Доржи и другие знатные лица решили обезопасить себя путем его низложения.

В 1749 г. заговорщики свергли с престола и убили Аджана. Новым ханом провозглашается Лама-Доржи, принявший титул Эрдени-Лама-Батур-хунтайджи. Однако он не получил широкой поддержки. Родовитая ойратская знать не могла смириться с его происхождением. Среди оппозиции на первое место выдвинулся Дабачи (Деваци) — внук Цеван-Рабдана и племянник Галдан-Церена, имевший по ойратским традициям, больше прав на престол, чем Лама-Доржи. Его сподвижником в борьбе против хана стал Амырсана (Амурсана, Амурсанан), которому Дабачи в случае победы обещал большой удел.

После многолетней борьбы и крупного поражения союзники в начале 1753 г. внезапным нападением на ставку схватили Лама-Доржи. Вместо убитого хана повелителем Джунгарии стал Дабачи. Однако в это время появился новый претендент на престол. Группа князей, которых не устраивала победа Дабачи, провозгласила ханом Немеху-Жиргала. Опять возобновилась борьба за престол, в ходе которой Дабачи сначала потерпел поражение и бежал в свои удельные владения, но затем одержал верх над конкурентом. Бежавший Немеху-Жиргал был хитростью схвачен Амырсаной и казнен²⁷.

Но мир не пришел на джунгарскую землю: поссорились Дабачи и Амырсана. Происхождение последнего, в отличие от его бывшего союзника, не давало ему права претендовать на престол, на который могли взойти только представители правящей чоросской династии, ближайшие родственники умершего хана по отцовской линии. Амырсана не был чоросом, хотя родился от дочери Галдан-Церена. У ойратов родовая принадлежность детей определялась по родовой принадлежности отца. Отец Амырсаны принадлежал к роду цагантук (чагандык) племени хойт. Однако по некоторым данным, мать Амырсаны вторично вышла замуж уже будучи беременной от первого погибшего мужа из племени хошут²⁸.

Трудно теперь сказать, какие обещания Дабачи дал Амыр-

сане до того, как стал ханом. Известно лишь то, что он обещал ему улусы в местности Гурбан Модон²⁹. После того, как Дабачи оказался на троне, Амырсана потребовал от него присоединения к своему уделу находившемуся в Тарбагатае, земель, расположенных к северу от его удельного владения. Это были в основном земли алтайцев. Вероятно, требования Амырсаны не ограничивались этим. Дабачи посчитал их слишком большими и ответил Амырсане, что в одном государстве двух правителей не бывает³⁰.

Началась новая междоусобица. Амырсана обратился за помощью к правителю Среднего жуза казахов султану Аблаю. Казахский султан отправил Амырсане 4 тысячи лошадей и верблюдов, 10 тысяч овец, за что он расплатился коврами, оружием и людьми, захваченными им в улусах Дабачи. По просьбе Амырсаны Аблай также напал на ставку Дабачи, когда тот направился в поход против Амырсаны. Амырсана рассчитывал также на поддержку со стороны своих соседей — алтайских зайсанов. Как уже отмечалось, наследственный удел Амырсаны находился в Тарбагатае к югу от озера Зайсан, т. е. в непосредственной близости к землям алтайцев.

В конце 1754 г. в верховьях Иртыша состоялось решающее сражение войск Дабачи и Амырсаны, в котором последний потерпел поражение. В междоусобной борьбе были вынуждены участвовать и алтайские зайсаны. Они вместе со своими дружинами были вызваны в ставку хана и участвовали в военных действиях на стороне Дабачи.

Потерпев поражение, Амырсана бежал на северо-запад в сторону Телецкого озера, затем повернул на Улангом и отуда ушел в Халха-Монголию, где встретился с местной цинской администрацией и заявил о своем желании служить Цинской династии. Амырсана увел с собой около 20 тысяч человек, в том числе 2 тысячи воинов.

Цинский император пригласил его в свою летнюю резиденцию Жэхэ, где состоялась торжественная церемония его приема, и где император несколько раз беседовал с ним. Позднее Амырсане было пожаловано звание цинь-вана (князя первой степени). Соответствующие чины и награды были пожалованы и приближенным Амырсаны.

Итогом многолетней междоусобицы в Джунгарском ханстве было падение авторитета ханской власти, гибель многих

людей, разорение населения. Были заброшены многие пашни, пришли в упадок ремесла и первые ростки промышленного производства, сократился объем внешней торговли. Многие князья со своими людьми бежали в пределы Цинской империи, спасая свою жизнь. Когда ханом был Лама-Доржи, ушел в Китай князь Салар с тысячей своих кибиток. Позднее бежали в Цинскую империю и некоторые другие ойратские князья. Цинские власти придавали большое значение приему ойратских беженцев, намереваясь использовать их против Джунгарии. Перебежчики получали подарки, титулы и различные льготы³¹.

Первый поход цинской армии в Джунгарию

Амырсана обратился к цинскому императору с просьбой оказать ему помощь в овладении джунгарским тронem. Просьба Амырсаны была встречена с большой радостью. Цинская династия увидела, что Амырсану можно использовать для покорения Джунгарии к чему она издавна стремилась. В указе цинского императора, изданном после переговоров с Амырсаной, говорилось: «Наша династия вот уже в течение нескольких десятков лет выжидала, сооружала наблюдательные пункты и изучала границу, готовила войска к истреблению джунгар, но не смогла этого сделать. Теперь же складывается подходящая обстановка, которой нельзя не воспользоваться для решения вопроса силою оружия³²».

Что представляла собою Цинская династия? Это были потомки маньчжурского хана Нурхаци. В конце XVI в. он объединил чжурчженьские племена, обитавшие по рекам Амур и Сунгари. По названию родного племени Нурхаци, все объединенное население стало именоваться маньчжурами. Создав сильное государство, Нурхаци начал покорение Китая. В 1644 г. был взят Пекин, а к 80-ым годам XVII в. завоевана вся страна. Маньчжуры завоевали также южных монголов — Чахарское ханство, под угрозой военного вторжения добились включения в состав своей империи Северной Монголии (Халха), поставили в положение вассальной зависимости Корею. Маньчжуры именовали свою династию Цин-золотая³³.

Еще до бегства Амырсаны в Цинскую империю, весной

1753 г. цинские власти, пользуясь междоусобицей в Джунгарии, направили на покорение верховий р. Кобдо и Чуйской котловины, входивших в состав Джунгарии, ойратского князя Салара и нескольких халхасских князей. Цинские войска напали на Сойонский оток, расположенный в Чуйской котловине. Часть сойонцев была захвачена, остальные откочевали к телесцам и совместно с ними начали строить для обороны от цинских войск две крепости: одну в устье Чолушмана, другую на 40 верст выше по реке.

В начале 1754 г. для руководства операцией по покорению чуйско-кобдинских отоков прибыл из Пекина в приграничную цинскую крепость Улясутай министр Шухэдэ, который привел с собой отряд, состоявший из маньчжуров и китайцев. Он направил к зайсанам чуйско-кобдинских отоков своих посланцев для ознакомления их с обращением цинского императора от 10 марта 1754 г. Император предлагал им добровольно перейти в цинское подданство, а в противном случае угрожал прогнать их «за пределы Алтая». Летом того же года цинские войска, вторгнувшись в Чуйскую котловину, «желтых саян всех без остатка в плен взяли молодых, оставя, увели, а старых вырубали».

Для препятствования продвижению цинских войск вглубь Алтая, алтайские зайсаны направили в район реки Чуя военные отряды. Зайсан Омбо, например, отправил отряд во главе со своим пасынком демичи Самыром. Прибывшие отряды выставили заслон численностью около пятисот человек, преграждая путь из Чуйской котловины к берегам Катуня.

Кобдинские «урянхайские» зайсаны Чадак, Чулун и другие под угрозой нападения цинских войск переселили своих людей в Чуйскую котловину и долину р. Аргут. Зайсан Тубшин перевалил через горный хребет и ушел в бассейн Иртыша.

Сложная военно-политическая обстановка диктовала необходимость координации действий алтайских зайсанов. В конце лета 1754 г. зайсан Омбо говорил русскому посланцу А. Беседному, что осенью, «как выпадет снег», намечено провести съезд алтайских старшин. На съезде, кроме зайсанов Горного Алтая, должны были участвовать алтай-теленгитские зайсаны Кулчугай и Бобо (Бобой, Бубай), жившие в верховьях Иртыша. Они, по словам Омбо, были намерены переселиться

в Горный Алтай, так как «у них тамо стало жить худо».

В ноябре 1754 г. началась новая операция цинских войск по покорению «Урянхая» под общим командованием цинского военачальника Баньди. В операции участвовали ойратские князья, перешедшие на службу к цинской династии, Амырсана, Салар, Церен, халха-монгольский князь Ценгунджаб и другие.

К концу 1754 — началу 1755 г. тюркские отоки междуречья Кобдо и Черного Иртыша, входившие ранее в состав Джунгарии, были разгромлены и покорены цинскими войсками. Цинские военачальники пытались подчинить и телесцев. Однако они ушли в труднодоступные высокогорья. В январе 1755 г. русские разведчики сообщали в Кузнецк, что телесцы «и поныне от тех китайцев в осаде находяся». Весной 1755 г. телесцы рассказывали русским посланцам, что зимой они «сидели от... мунгальцов в осаде в больших снегах, и от того... пришли в разорение: лошади и рогатый скот у них... весь повалился³⁴».

Ставший ханом Дабачи признавал, что его страна не готова к войне с Цинской империей. Сразу же после бегства Амырсаны к Цинам, Дабачи направил в Пекин посольство, в надежде сохранить мирные отношения с Цинами. Однако Цинской династии нужен был не мир с ханством, а его уничтожение. В империи полным ходом идет подготовка к войне.

В начале 1755 г. цинская армия направилась в сторону Джунгарии. Общая численность цинских войск по-разному определяется источниками — от 50 до 200 тысяч. Вероятно, разброс в оценке вызван большим количеством задействованной обслуги и вспомогательных частей, которых при подсчете численности армии учитывали в разной мере. Армия была обеспечена большим количеством пушек. Обязательное военное снаряжение каждого воина состояло из ружья, лука с не менее 40 стрелами, сабли и копья.

Армия была разделена на два корпуса: северный и южный. Первый под командованием маньчжурского генерала Баньди должна была направиться из Улясутая в долину реки Боротала через реки Булугун, Чингиль и озеро Айрикнор. В авангарде северного корпуса шел со своим отрядом Амырсана, приданный корпусу в качестве «первого помощника» командующего

корпусом. Южный корпус под командованием маньчжурского генерала Юн Чэня получил задание двигаться по маршруту Баркуль — Урумчи — Боротала. «Первым помощником» генерала Юн Чэня был назначен ойратский князь Салар, перешедший ранее на сторону Цинов. Цинская армия включала людей различных национальностей: маньчжуров, китайцев, северных (халха) и южных (чахар) монголов, солонов.

Обе колонны цинских войск шли не встречая сопротивления, так как впереди них шли отряды Амырсаны, Сарала и других ойратских князей, которые уверяли соплеменников, что цинские войска не желают им зла, а идут только наказать «узурпатора» и «насильника» Дабачи.

Тем временем Дабачи, пытаясь остановить цинскую армию, послал в Пекин посольство во главе со своим сыном. Предлагая Цинам мир и дружбу, он послал с посольством, в знак своей искренности, боевое красное знамя джунгарского хана. Однако мир не входил в расчеты цинского императора.

Корпуса цинских войск соединились у озера Эбинор и подошли к р. Или. Дабачи продвинул свои войска навстречу цинской армии и расположил их лагерь на другом берегу Или в районе его притока Текес. В отечественной историографии ранее считалось, что Дабачи бежал, не приняв боя, когда авангард цинской армии вступил в долину р. Текес. Однако данные новых источников рисуют иную картину последующих событий³⁵.

На берегах Или между цинской армией и войсками Дабачи состоялось ожесточенное сражение. Цинские генералы, не ожидая упорного сопротивления, направили в лагерь Дабачи посланцев, которые сообщили хану, что если он помирится с Амырсаной, то цинские войска уйдут из Джунгарии. Однако Дабачи отверг это предложение.

Вероятно, в первом сражении против Дабачи действовали не все цинские войска. Полностью цинская армия была переправлена на левый берег Или, где находился Дабачи, только после строительства плавучего моста. Тем временем Дабачи отступил к подножию гор и дал сражение близ местности Алан-Кисан. Ожесточенное сражение длилось с утра до захода солнца³⁶.

Превосходство цинской армии было многократным. Де-

морализованные сторонники Дабачи начали покидать его. Отчаявшийся хан бросил остатки своих войск и с сыном и приближенными бежал через горы в направлении г. Аксу, входившего в состав Джунгарии. 8 июля он был обманом схвачен правителем крепости Уч-Турфан Ходжа Сы-беком. Плененный хан был доставлен в сопровождении Амырсаны в ставку цинских войск к генералу Баньди, и оттуда отправлен в Пекин. Император пожаловал знатному пленнику, как и Амырсане, титул князя первой степени и повелел вместе с сыном жить в Пекине. Дабачи там и умер в 1760 г.³⁷

**Вторжение
цинских войск
в Горный Алтай.
Ориентация
алтайцев
на Россию**

В марте 1755 года, когда цинская армия направилась в Джунгарию, алтайские зайсаны собрались для обсуждения вопросов совместной обороны от цинской агрессии. Совет открылся в отоке одного из активных сторонников создания объединенных сил зайсана Намыкая Малаева.

На совете было принято решение создать общеалтайское ополчение. Местом формирования объединенных сил были выбраны окрестности р. Ело. В район сбора ополчения в марте того же года был допущен вахмистр А. Беседный. «И то их собранное войско стоит сот до пяти, — писал он, — токмо еще не все тогда были в сборе; с ружьем, с сайдаками и копьями». «Идем напротив Амурсаная ноена, — говорили зайсаны Беседному, — коей стоит близ китайской границе, и неподалеку от их жилища с мунгальским войском...» Алтайцы говорили русскому посланцу также, что Амырсана и цинские войска захватили отоки трех зайсанов со всеми людьми и скотом.

Канский зайсан Омбо жаловался А. Беседному, прибывшему в его земли после посещения сборного пункта ополчения, что он из-за междоусобицы «с улусами своими находился в бегах, от чего... и скот... весь приморил, ибо... люди... лето и зиму находятца ко опасности от Амурсаная по караулам и на войне, и дома... почти никого нету». Омбо не поехал на совет алтайских зайсанов и отказался участвовать в формировании ополчения, считая неразумным продолжать участвовать в междоусобной борьбе Дабачи и Амырсаны. «Которой из них будет на войне правее, то... и я к тому склонюсь», — говорил он А. Беседному.

Незадолго до прибытия А. Беседного Омбо имел встречу с цинскими парламентарями. Представители цинского командования требовали, чтобы он принял цинское подданство и переселился в другой регион, освободив свои кочевья для людей Амырсаны. «Ежели... добром не отдадите, то... мы можем ваш и корень весь вырубить», — угрожали цинские посланцы, когда Омбо не выразил склонности к выполнению изложенных требований.

Семитысячное «мунгальское» войско приближалось весной 1755 к Телецкому озеру с намерением «взять двоedanцев» Телесского отока, однако отступило, не достигнув цели.

Этой же весной объединенные силы десяти алтайских зайсанов, при поддержке отряда, присланного Дабачи, разгромили в сражении на р. Чагангол «мунгальское войско», действовавшее в южных районах Горного Алтая.

В планах Дабачи Горный Алтай занимал важное место. Он приказал держать в готовности на катунских переправах по шесть лодок, чтобы в случае поражения от цинской армии можно было бежать через Горный Алтай к Бийской крепости.

С ухудшением военно-политической обстановки алтайцы устремили свои взоры в сторону России. Уже летом 1754 г. зайсан Кутук пытался выяснить у русских властей через А. Беседного, «можно ли, де, им ухранитца в российскую сторону от злаго время».

И. Максюкову, побывавшему в Горном Алтае в январе-феврале 1755 года, «Саянской землицы Битюга да Канской волости Буентай тайно... говорили, ежели де... Арбазына хана (Амырсана. — Г. С.) китайской хан к себе примет и даст ему для воевания калмыков силы, и от той де силы им, калмыкам, будет утеснение, то де их... примут ли, ежели де примут, то де они... з женами и детми до дву тысяч и более желают быть в вечном ея... величества владении». Максюков посоветовал послать знатных представителей в ближайшую российскую крепость для встречи с пограничными властями.

Зайсан Омбо, когда у него в марте 1755 г. был А. Беседный спрашивал у него: «можно ли будит от... злаго времени уклонитца в вашу сторону и живот свой спасти». Отказывая цинским посланцам, прибывшим с требованием покориться, Омбо говорил: «можем мы и в крайние росиские города утти».

Рассчитывали укрыться от опасности около русских кре-

постей и двоеданцы. По прибытии А. Беседного в Нижне-Кумандинскую волость, двоеданцы Кучегеш и Белек говорили ему: «воюющей с зенгорцами... Амурсанай намерен их склонить к себе во владение, толко... мы к нему в подданство итти не желательны и надеемся, что от росиских командующих при границе защищены будем». Относительно двоеданцев русские власти считали, что их нужно удержать в местах прежнего обитания. Например, кузнецкий пятидесятник Е. Шеболин, направленный в Горный Алтай летом 1754 года, имел поручение тайно заверить двоеданнических башлыков, что русские власти заступятся за них в случае «обид».

Учитывая появление у алтайцев — подданных Джунгарии, тенденции к переходу в русское подданство, командующий Кольвано-Кузнецкой военной линией полковник Дегаррига запрашивал 19 мая 1755 г. командующего сибирскими войсками бригадира Крофта о том, как быть, если «зенгорские» зайсаны приблизятся со своими людьми к российским крепостям, форпостам и другим укреплениям и будут просить разрешения кочевать близ военной линии. Крофт, ссылаясь на указания Коллегии иностранных дел и оренбургского губернатора Неплюева «не припускать» «зенгорцев» к Кольвано-Кузнецкой линии, приказал Дегарриге подданных Джунгарии «в близость границы и к здешним крепостям и форпостам не допускать, и крайне в том старатца их отвращать... и частые и немалолюдные разъезды по границе употреблять».

Летом 1755 г. цинские войска оккупировали на Алтае значительную территорию. В Чуйской котловине стоял трехтысячный отряд во главе с Куном. На р. Берель расположился отряд численностью в две тысячи. В «Канские волости» был введен отряд из 300 человек во главе с кобдинским зайсаном Чадаком, принявшим цинское подданство.

Несмотря на уговоры и угрозы цинских командиров, призывавших алтайских зайсанов принять цинское подданство, они отдавали предпочтение российскому подданству. Когда стало известно о поражении и пленении Дабачи, представитель алтайских зайсанов брат зайсана Буктуша демичи Канзак Бектелев прибыл на встречу с кузнецким посланцем И. Шебалиным, находившемуся в дведанническом дючине Ереддея Маачакова. Встретившись 23 августа с Шебалиным, Канзак заявил, что алтайские зайсаны, «чтобы им в подданстве

по склонению мунгалского войска не быть и не желают и просили, чтобы их в Российскую империю принять». В числе желающих принять российское подданство Канзаком были перечислены: «зайсаны Буктуш Кумеков и Мамукуй Малаев... и еще де сверх тех восемь зайсангов: Онба Моймоков, Кучюхай, Тархан Батырев, Намчил Тынчыскаев, Манчылак Тысов, Бузуку, Боокол Субояков, Емзынак Кубашев, Куочелей Оксунов³⁸».

Восстание Амырсаны

К осени 1755 г. в Джунгарии почти не осталось цинских войск. Часть армии была отведена в Монголию и внутренние провинции Китая, остальная часть распущена. В долине Или остался во главе с Баньди гарнизон из 500 воинов маньчжурской и китайской национальности. В подчинении Баньди остались также ойратские князья, вернувшиеся в Джунгарию вместе с цинской армией.

После ухода цинской армии, Амырсана стал демонстрировать свою независимость от Баньди. Последний отправил императору донесение о подозрительных поступках Амырсаны. В послании говорилось, что ойратский нойон распространяет слухи о том, что пока Амырсана не станет ханом Джунгарии, в стране не будет спокойствия, что Амырсана вместо пожалованной ему цинской печати употребляет свою старую печать и пренебрегает цинским костюмом, дарованным ему императором, что он от своего имени отправил письменные послания казахам и урянхайцам. В ответ на это он получил указание арестовать Амырсану и казнить в лагере цинского войска. Однако Баньди не рискнул выполнить волю императора, так как Амырсана и его сторонники могли без особых усилий уничтожить немногочисленный цинский гарнизон. Амырсану проще было арестовать в пределах Китая, куда ему предстояло вскоре ехать для участия в торжествах по поводу покорения Джунгарии.

Амырсана тщетно ждал вестей из Пекина, надеясь на то, что император поставит его ханом всей Джунгарии. Он просил зятя цинского императора Балчжура, чтобы тот ходатайствовал перед императором о назначении Амырсаны ханом Джунгарии. Между тем подошел срок поездки Амырсаны в Жехе

в летнюю резиденцию цинского императора. Сопровождать Амырсану было предписано знатному халхасскому тайджи Дархану Эринчину Доржи, брату духовного лидера Монголии богдогэгэна. По дороге Амырсана уговорил сопровождающих отпустить его проведать родной удел и бежал, за что халхасский князь был арестован и позднее казнен по приказу императора.

Бегство Амырсаны состоялось в сентябре 1755 г. Сразу после бегства он стал призывать всех ойратов и монголов подняться на восстание против Цинов. Отряды ойратских повстанцев стали нападать на цинские караулы. Илийский гарнизон во главе с Баньди и ойратские князья, оставшиеся верными Цинам, в том числе Салар, пытались выйти из Джунгарии, однако были разбиты повстанцами. Баньди закончил жизнь самоубийством, чтобы избежать плена.

Амырсана, обосновавшись в Тарбагатае, стремится увеличить свои силы, действуя убеждением, уговорами или силой. Алтайские зайсаны, несмотря на выступление Амырсаны против Цинов, не пошли на заключение с ним мира. В сентябре 1755 г. войска Амырсаны оттеснили ополчение алтайских зайсанов к р. Семе, впадающей в Катунь. По сообщению русского посланца толмача Давыдова, алтайское ополчение готовилось дать неприятелю сражение. Женщины, дети, старики, обоз и скот были отведены в тыл ополчения на 80 верст и расположены по р. Ташту (Каменка). «А мужья их, — сообщал Давыдов, — все на Семе... реке для баталии находятца».

Когда объединенные силы зайсанов Алтая отступили на север по р. Катунь, зайсан Омбо, оставшийся в своих кочевьях, оказался отрезанным и направился на запад, к российским укреплениям на Чарыше. 14 сентября в Чапырскую (Чагырскую) крепость прибыли посланцы Омбы во главе с бухарцем Абреимовым, который говорил, что «послал его оной... с общаго подчиненных его уранхайцов и бухарцов согласия просить о принятии ево с подчиненными ему людьми, которых посемейно до пятисот и более, в подданство ея... величества... ибо в Большой Урге владельца Дебачи и знатнейших зайсангов уже нет, а находится у них китайский министр с войском; и когда реки встанут, тогда их всех, Дебачина владения, в китайскую землю... погонят».

В октябре 1755 г. отряды Амырсаны прекратили пресле-

дование алтайских зайсанов, вероятно, в связи с тем, что Амырсана в это время перенес центр своей деятельности с Тарбагатай в главную ставку ойратских ханов на р. Или. Амырсана получил поддержку со стороны некоторых князей, которые в конце 1755 — начале 1756 г. провозгласили его ханом. В войсках активных сторонников Амырсаны было до 10 тысяч воинов. Однако бывшие сторонники Дабачи и те, кто считал, что Амырсана не имеет прав на ханский трон, не отозвались на призывы мятежного ноена. Посланцы Амырсаны в количестве тридцати человек посетили в конце ноября — декабре и алтайских зайсанов. Люди Омбы говорили русским караульным, что их зайсан отказался поддерживать Амырсану и заявил о своем намерении добиваться российского подданства. Не стали на сторону Амырсаны и другие алтайские зайсаны.

В лагере Амырсаны вскоре произошел раскол. Между недавними единомышленниками начались вооруженные столкновения в результате которых Амырсана потерпел поражение. Чтобы поправить свое положение он обратился за помощью к казахскому султану Аблаю, который согласился помочь и прибыл с десятитысячным отрядом в Джунгарию. Но и это не прибавило сторонников Амырсаны среди ойратов.

Не только Амырсана, но и цинские власти направляли к алтайским зайсанам своих посланцев. Осенью 1755 г. из лагеря цинского войска, расположенного в южном Алтае, прибыли к алтайским зайсанам посланцы с требованием «явиться» в то войско для отсылки в Китай». Положение алтайцев в это время было трудным. Обращение к русским властям с просьбой о предоставлении им подданства России не увенчалось успехом. 13 ноября 1755 г. Коллегия иностранных дел на запрос Неплюева от 10 июля о возможности приема «зенгорцев» в подданство России ответила, что их можно принимать, если они не преследуются цинскими войсками. В противном случае местные власти должны были решать вопрос исходя из своих возможностей к обороне. Однако командующий Кольвано-Кузнецкой военной линией Дегаррига получил этот указ только в начале 1756 г. Таким образом, осенью 1755 г. отступить на север алтайцам было некуда. С юга же угрожали с одной стороны Амырсана, с другой — Цины. В такой военно-политической обстановке

алтайские зайсаны вынуждены были согласиться на отправку делегации для переговоров с цинскими властями. В составе делегации были зайсаны Намыкай Малаев, Намык Еманаев, Кутук, Кулчугай, брат Кутука Мамыт, Домоко, двоеданцы Темир-Аксак, Тебочи и другие. В декабре Мамыт, Темир-Аксак, и Тебочи вернулись, а другие члены делегации «были держаны там три месяца» и вернулись в январе 1756 г. «А при отпуске им... наказано, — сообщил русским властям Намыкай, — что как весною китайская сила на Амурсаная пойдет, то б они, зайсаны, со своим войском были готовы». По всей видимости, указанные зайсаны вынуждены были согласиться принять цинское подданство.

**Второй поход
цинской армии
в Джунгарию.
Выход алтайцев
к российским
крепостям**

В конце зимы 1755—1756 гг. цинский император закончил подготовку нового похода в Джунгарию. По некоторым данным, для участия в этой кампании было привлечено до 400 тысяч человек. Среди мобилизованных большое место занимали «ремесленные люди», которые должны были в короткий срок построить переправы через большие реки. В марте 1756 г. цинские войска вступили на территорию Джунгарии и стали быстро продвигаться в направлении Илийской долины. Разрозненные очаги сопротивления не могли быть серьезным препятствием на пути цинской армии.

Узнав о приближении цинской армии, султан Аблай поспешно вернулся в свои кочевья. Вслед за ним бежал в Средний казахский жуз и Амырсана. Вне зависимости от участия в восстании, цинские войска ведут поголовное истребление ойратов без различия пола и возраста. Уже после бегства Амырсаны в Джунгарию стала нарастать борьба с врагом. Стихийно возникшие отряды ведут партизанскую войну.

Алтайские зайсаны продолжали надеяться избежать цинского подданства путем вступления в подданство России. 26 января 1756 в Бийскую крепость для встречи с полковником Дегарригой прибыли двоеданцы Укош и Кулей Кучюгешевы. «Посланы мы зайсаном Номкыем Молаевым сыном, — заявили они, — которой к нам приехал же от собрания на реке Кайрлуке зенгорского владения тринадцати зайсангов». За-

йсаны передали Дегарриге, что цинские власти предлагают им, обещая сохранить их зайсанские звания, принять цинское подданство, однако они решили еще раз обратиться к русским властям с просьбой о приеме их в подданство России. На послание зайсанов Дегаррига ответил, что указа об их приеме в подданство еще нет, и посоветовал, чтобы они подали письменное прошение о подданстве, скрепленное их подписями.

Чтобы ускорить подачу зайсанами прошения, Дегаррига послал к ним 4 февраля драгуна Давыдова, которому поручалось привести их представителей в деревню Усяцкую (Усятскую), расположенную выше Бийска по р. Бие. Алтайская делегация во главе зайсаном Намыкаем Малаевым прибыла в Усяцкую 15 февраля. Сюда же прибыл Дегаррига, которому были вручены Намыкаем два письменных прошения, подписанные двенадцатью зайсанами. Дегаррига разрешил зайсанам приблизиться со своими людьми к Кольванской линии, «ежели от мунгалцов и калмык будет утеснение».

С началом нового похода цинской армии алтайские зайсаны стали переселять своих людей поближе к российским крепостям. В начале марта Буктуш, Бурут, Намыкай и Намык подтянули подразделения своих отоков к устью р. Семы. Часть людей зайсана Кулчугая приблизилась к Усть-Каменогорской крепости.

От зайсана Омбы 9 апреля в Чапырскую крепость приехали Алтай Мабырашев и бухарец Абреимов с известием, что Омбо «тронулся кочевать» в направлении крепости. По словам посланцев, их зайсан совершил с конным отрядом рейд в сторону ожидаемого прихода цинских войск, но вернулся, не обнаружив противника. Омбо просил передать российским властям, что к нему приезжали нарочные от зайсана Кулчугая, которые сообщили, что у него два раза побывали цинские посланцы с предупреждением, что цинским властям стало известно о намерении Омбы и Кулчугая принять российское подданство, и что они этого не допустят.

10 апреля последовал указ Сената «не запрещать» зайсану Омбе кочевать, «на реках Ине и Белой, ибо в соединении к братским и волжским калмыкам не пожелали».

24 мая командующий сибирскими войсками Крофт, находившийся в Тобольске, получил указ из Коллегии инос-

транных дел от 2 мая 1756 г. с обстоятельным изложением условий и порядка приема в подданство России «зенгорцев». Коллегия, обращая внимание на то, что в случае отказа «зенгорцам» предоставить российское подданство, они будут захвачены цинскими войсками или же будут «принуждены отдатца в защищение по способности Средней киргис-кайсацкой орде», считала необходимым принимать их в подданство даже в случае отказа от переселения на Волгу. Аманатов следовало взять «от каждого зайсанга по одному сыну, а у которого детей нет, но из его родственников и из других старшинских детей». Двоеданцев предписывалось на Волгу не отправлять, а «поселить внутри Сибири». Местом подходящим к переселению «зенгорцев» признавались только калмыцкие степи в Нижнем Поволжье. Возможность переселения в бурятские земли исключалась ввиду расположения их близ границ Китая. Оставлять новоподданных в предгорном и степном Алтае по рекам Белой, Ине и Чарышу считалось невозможным, так как «с зенгорской или с киргис-касацкой стороны едва ли оставят их в покое». Всех принятых в подданство, кроме двоеданцев и бухарцев, следовало постепенно «перепровождать по линиям в волжские калмыки».

Тот же указ был направлен и на имя сибирского губернатора Мятлева. Копия указа Коллегии иностранных дел от 2 мая 1756 г. была послана Мятлевым Дегарриге 26 мая.

В конце мая командиры цинских войск, не дождавшись добровольного принятия алтайцами цинского подданства, повели на них наступление, стремясь захватить их до выхода к русской военной линии. В. Серебренников, побывавший с разведывательными целями в Горном Алтае, доложил 5 июня в Кузнецке, что по сообщению зайсана Буктуша, цинские отряды во главе с Ценгуньжабом (Чингунжаб, Шадарван) дошли до переправы Кур-Кечю на Катунь, где построили плоты и намерены переправиться «на здешнюю... сторону».

В Бийскую крепость 31 мая прибыл от Буктуша его брат с сообщением, что Буктуш со своими людьми переправился через Катунь и находится от Бийска в 60 верстах. Дегаррига пригласил Буктуша в Бийск вместе с тремя аманатами из «детей своих и из лутчих людей» «для надобного о приеме... договору». Людям Буктуша было разрешено приблизиться к Бийску на расстояние до 25 км.

В конце мая — начале июня приблизилась к российским укреплениям на расстояние до 5 км передовая часть отступающего отока зайсана Омбы. Сам зайсан находился еще в прежних кочевьях «за производимую с мунгалцами баталиею». Вскоре стало известно, что люди, оставшиеся с Омбой, подверглись нападению цинского войска. Алтайцев, расположившихся по р. Белой, 8 июня посетил подполковник Колобовой, который взял от представителей знати письменные обязательства «на их диалекте» и вернулся вместе с зайсаном Киндишем («Гендюшка»), демичами Болотом, Мамытом и Качаем, взятыми в качестве аманатов.

От алтайцев, отступавших вниз по Катунь, 21 июня прибыли в Бийск зайсаны Буктуш, Бурут, Серен, Намыкай и демичи Менгош Сергеков. Они говорили, что зайсан Боокол «отдаля в китайское государство» и с ними отступает лишь часть его людей во главе с демичи Менгошем. Прибывшие были приведены к присяге и дали письменные «обязательства» «на их диалекте». От них также были взяты аманаты.

От переселения на Волгу названные зайсаны отказались. Ввиду этого Дегаррига предложил им перейти в степное пространство, протянувшееся в междуречье Оби и Иртыша от «Шулбинского завода к Барабе и городу Таре». Зайсаны согласились послать своих людей для осмотра предлагаемых мест. Однако командующий сибирскими войсками Крофт не разрешил пропускать принятых в подданство на эту территорию, ссылаясь на то, что правительственными указами «назначено по той Барабинской степи для... хлебопашеству размножения селить из ямщиков и из государственных крестьян». Он предложил оставить новоподданных близ российской военной линии до тех пор «пока к переходу (на Волгу. — Г. С.) готовы не будут».

За первой группой зайсанов, принятых в подданство в Бийске, сюда же вышли позднее зайсаны Намык Еманаев и Кокшин (Кукшин) Емзынаков, ставший зайсаном после недавней смерти отца. Таким образом, к концу лета были приняты в русское подданство на Кузнецкой линии отоки семи алтайских зайсанов и 54 человека из отока Боокола, которых привел демичи Менгош Сергеков. Люди Боокола были «приписаны» к отоку Кокшина Емзынакова, так как «коей зайсан Емзынаку был родственник». В отоки новопод-

данных были направлены С. Кочерин, Н. Нелюбов и Е. Сажин для переписи людей и скота. После переписи двоеданцы — два дючина из отока зайсана Бурута и один дючин из отока зайсана Намыка, были отделены от остальных и отпущены в прежние места обитания «для копания кореньев сараны и снятия с пашен хлеба». Всех принятых в подданство на кузнецкой линии в начале сентября 1756 г. насчитывалось 1877 человек.

Последним из зайсанов Горного Алтая вышел к Бийску Кутук. Он сказал, что оставил своих людей на р. Ише, т. к. лошади выбились из сил. В Бийске Кутук был приведен к присяге и оставил аманатов.

В конце лета к Колыванской линии вышла оставшаяся часть Канского отока во главе с зайсаном Омбой и демичами Самуром и Алтаем. Вместе с Омбой вышли также 15 дымов зайсана Кулчугая. После прибытия Омбы число алтайцев, вступивших в подданство России на Колыванской линии, достигло, вместе с принятыми в июне, 1812 человек.

Вскоре после принятия русского подданства Омбо ездил на встречу с зайсаном Кулчугаем, находившемся на правом берегу Иртыша южнее Усть-Каменогорска. Кулчугай говорил ему, что «по забрании разбросанного после бывшей с мунгалским войском баталии шкарба» намерен со всеми своими людьми выйти к Колывани или Усть-Каменогорску. Позднее стало известно, что Кулчугай находится в урочище Цаган-Бола и «з зайсаном Бобоем советует, чтобы итти... в Россию в подданство, однако... Бобо к тому еще не склонен».

Чтобы рассеять сомнения Кулчугая и Бобоя, Мятлев приказал послать к ним письмо от ойратского нойона Дамчо Гиндина, вступившего в русское подданство в июле, «со изъяснением, како он ласкательно принят и на казенном довольствии содержится».

Склонение
алтайцев
к переселению
на Волгу

20 августа в Бийск прибыли зайсан Наугат и духовный сановник Биоктергин Габунг, направленные из входившего в состав России Калмыцкого ханства по просьбе российского правительства для

того, чтобы убедить «зенгорцев», вступивших в подданство России, дать согласие на переселение в Нижнее Поволжье. Через три дня они приступили к выполнению своей миссии. Созвав алтайских зайсанов и демичи они говорили им, что в Калмыцком ханстве с них не будут требовать ни ясака, ни других податей и оставят под их властью всех людей их отоков и дючинов. Однако алтайские старшины не изъявили желания переселяться и говорили что «просили протекцию с тем основанием, чтоб от... своих кочевных мест, от горы Алтая, отлучены не были».

Не увенчалась успехом и новая попытка уговорить алтайских старшин, предпринятая Наугатом и Биоктергином 25 августа, когда они заявили, что прибыли «перепроводить» их на Волгу «по высочайшему ея... величества соизволению». Алтайские зайсаны ответили, что сомневаются в существовании высочайшего указа об обязательном переселении их на Волгу. После этого разговора алтайцы просили Дегарригу отпустить их обратно в горы, мотивируя это тем, что хотели бы сберечь зимой свой скот на малоснежных горных пастбищах.

Чтобы удержать алтайцев близ крепостей и склонить к переходу на Волгу, калмыцкие эмиссары и Дегаррига составили на ойратском языке фальшивое письмо, содержащее требование о выдаче алтайцев, принявших российское подданство, и инсценировали его доставку якобы из Шульбинского завода, где оно якобы было получено от цинских посланцев. 28 августа фальшивое письмо было зачитано. Алтайские старшины не усомнились в его подлинности и опасаясь, что русские власти выдадут их цинским командирам, дали согласие на переселение. Они согласились также переправить всех своих людей через Катунь и отвести в места, указанные Дегарригой, а также собрать своих подвластных, оставленных «вдали» «кибиток по двадцати, по тридцати и более в закрытых местах».

Для собрания указанных групп дважды посылался из Бийска отряд во главе с поручиком Поповым, зайсаном Бурутом и демичи Бунчуком. Собранные ими люди были переправлены через Катунь и рассредоточены по р. Ануй на российской стороне Колывано-Кузнецкой линии.

На встрече калмыцких эмиссаров и Дегарриги с Омбой и другими зайсанами и демичами, находившимися на Колы-

ванском заводе, было также зачитано вышеназванное фальшивое письмо и получено их согласие на переселение.

начало.

**Вступление
в российское
подданство
иртышских
алтайцев
и ак-теленгитов**

29 сентября в Усть-Каменогорскую крепость прибыли зайсаны Кулчугай и Бобой, которые заявили о своем желании вступить в подданство России. В случае приема их в подданство, они просили направить их туда, «куда зайсану Онбе повелено будет следовать или жить». Когда Кулчугай и Бобой направились к Усть-Каменогорску, за ними последовали не все их люди. Часть оставшихся приняла российское подданство позднее.

В октябре к Усть-Каменогорску приблизились ак-теленгиты, вышедшие из Джунгарии. Когда Амырсана, при приближении цинской армии бежал к казахскому султану Аблаю, ак-теленгиты вместе с енисейскими кыргызами и мингатами направились к границам России, надеясь вернуться на Алтай и Минусинскую котловину. Среди них было «теленгуцких четыре зайсана, да киргиских четыре ж зайсана».

Следуя к российской военной линии, беглецы «имели три баталии» с цинскими войсками и в последней были разбиты и рассеяны. Однако большая группа, состоявшая в основном из ак-теленгитов, оторвалась от преследователей. 7 и 8 октября в Усть-Каменогорске побывали от ак-теленгитов 4 зайсана и 20 демичей, от кыргызов — 1 демичи, которые вручили коменданту крепости капитану Трауенберху письменные прошения о предоставлении им российского подданства.

Указание о приеме ак-теленгитов, кыргызов и части отока зайсана Кулчугая было дано сибирским губернатором Мятлевым в конце октября. Этим же указанием предписывалось провести перепись принимаемых людей и их скота. Из переписных ведомостей явствует, что в русское подданство вступили ак-теленгитские зайсаны Еркен-Кашка, Байсур-Бакши, Ангир Бекин и Бату-Менко. При них осталось всего 1507 человек. У кыргызского зайсана Кошко-Гурбана оказалось 168 человек.

Ввиду бедственного положения принятых в подданство «зенгорцев», указом Коллегии иностранных дел от 16 ноября 1756 г. переселение их на Волгу было отложено до весны 1757 г.

На зиму новоподданные были рассредоточены по Колыванской линии. Оток Кулчугая, из-за недостаточности запасов сена на Колыванской линии, был переведен зимой на Кузнецкую линию. В целях исключения вооруженных инцидентов на линии, у принятых в подданство было изъято оружие и «железные материалы, кроме топоров и ножей».

В поисках Амырсаны цинские войска вторгаются летом 1756 г. в земли Среднего казахского жуза. Между ними и ополчением султана Аблая, в составе которого находился и Амырсана со своими людьми, в августе состоялось сражение. Казахи потерпели поражение и бежали.

Однако вскоре положение маньжуро-китайских войск в Джунгарии осложнилось восстанием в Халхе, через которую осуществлялась связь с Китаем. Во главе восстания стоял знатный монгольский князь Ценьгунжаб, основные силы которого были сосредоточены в районе озера Хубсугул. С началом холодов цинское правительство было вынуждено вывести основную часть своих войск из Джунгарии в связи с недостатком продовольствия и угрозой со стороны повстанцев Халхи.

Восстание халха-монголов и уход основных сил цинской армии побудило многих ойратских князей, принявших ранее цинское подданство, выступить против маньчжуро-китайских войск. В октябре-ноябре 1756 г. при поддержке султана Аблая вернулся в Тарбагатай и Амырсана. Однако положение ойратов ослабляла непрекращающаяся междоусобица и подавление Цинами в начале января 1757 г. восстания Ценьгунжаба в Монголии.

В начале весны 1757 г. цинское правительство направило на усмирение ойратов новую армию из нескольких десятков тысяч человек. Ойратские отряды оказывали упорное сопротивление. Однако основные силы повстанцев во главе с Амурсаной были разгромлены в решающем сражении, состоявшемся в Тарбагатае. Не имея сил для продолжения

борьбы, Амырсана бежал в сторону российской военной линии и 28 июля 1757 г. прибыл в Семипалатинскую крепость, прося убежища. Его отправили в Тобольск, где он умер от болезни 21 сентября того же года в возрасте 35 лет*.

Несмотря на бегство и смерть Амырсаны, борьба с захватчиками в Джунгарии продолжалась. Зимой 1757—1758 гг. ойратские князья, согласившиеся ранее на цинское подданство, напали на маньчжуро-китайское войско, следующее из Джунгарии в Монголию и Китай на зимние квартиры. Для окончательного подавления очагов сопротивления ранней весной 1758 г. цинское правительство снова направило в Джунгарию большую армию численностью 100—180 тыс. человек. Остатки ойратского населения были почти полностью уничтожены. Небольшая часть бежала в пределы России. В результате многолетнего цинского геноцида в Джунгарии погибло около миллиона человек³⁹.

**Переселение
новоподданных** Указом Коллегии иностранных дел предписывалось отправлять «зенгорцев» на Волгу «разными партиями». Почти все новоподданные, находившиеся к лету 1757 г. на Кузнецкой, Кольванской и Иртышской линиях, были отправлены на Волгу в составе «большого коша», который выступил из Бийска 28 июля 1757 г. Не вошли в большой кош те, кто принял крещение, а также аманаты, которые должны были оставаться в крепостях до прибытия большого коша на Волгу.

От Бийска до первой крепости Уйской военной линии большой кош для предотвращения бегства переселяемых и нападения со стороны казахов сопровождался большим отрядом конвойных во главе с майором Энденом. Вместе с переселяемыми перегонялся их скот. 11 августа Энден, при-

* Цинские власти не верили известию о смерти Амырсаны и требовали его выдачи. Тело Амырсаны было доставлено в Селенгинский острог близ российско-китайской границы, где в марте 1758 г. предъявлено для опознания цинским представителям. После осмотра тело ойратского нойона погребено в окрестностях Селенгинского острога (Чимитдорджиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1988. С. 83).

быв с кошем в Семиярский форпост Иртышской линии, сообщил, что число переселяемых составляет 3989 человек. Большой кош двигался по маршруту Омск—Тара—Ишим—крепость Звериноголовская на р. Тобол—р. Куртамыш (ныне в Курганской обл.). Переселение сопровождалось массовой гибелью людей. В донесении оренбургского губернатора Неплюева говорилось, что люди гибнут от болезней, «от беспокойной езды, от стужи и от недостаточной пищи». Чтобы предотвратить массовую гибель переселяемых, на р. Куртамыш большой кош был остановлен на зимовку. Переселяемые зимовали близ Каминской и Куртамышской слобод Исетской (Исецкой) провинции в наспех сооруженных жилищах из «колья, хворосту и соломы».

К этому времени большой кош поредел на 1362 человека. В списке, составленном в декабре 1757 года, когда кош был остановлен на зимовку, в оставшихся 864 семьях насчитывалось 2626 человек, бывших ранее, и 20 младенцев, родившихся в ноябре.

О прибытии большого коша в Нижнее Поволжье известно по сообщению калмыцкого хана Дондук-Даши. 22 октября 1758 г. он написал российскому уполномоченному в Калмыцком ханстве генералу Спицыну, что его посланец Габунг привел «более осмисот семей... кои им, ханом... распределены по улусам».

Отдельными группами отправлялись на Волгу крещеные. Оренбургский губернатор Неплюев, руководствуясь высочайшим указом от 1738 г. об отправлении всех крещеных «калмыков» в г. Ставрополь (ныне Тольятти), писал 2 сентября 1756 г. сибирскому губернатору Мятлеву, чтобы он направлял крещеных «зенгорцев» в названный город, построенный на левом берегу Волги специально для поселения крещеных «калмыков». Многие алтайцы перешли к православию в надежде избавиться от «оспенной болезни», как в этом убеждали их священники. Другие приняли христианство, надеясь получать больше продуктов питания, в чем многие новоподданные испытывали острую нужду, хотя им и оказывалась некоторая продовольственная помощь со стороны российской администрации. Указом Сената от 6 июля 1757 г. предписывалось новокрещеным «зенгорцам» «особое

попечение учинить... дабы они с лутчим перед некрещеными удовольствием устроены...быть могли».

В октябре 1758 г. командующим сибирскими линиями Фрауендорфом было приказано принимать в подданство России только тех «зенгорцев», кто согласен перейти в православие, а других «отсылать от крепости прочь».

По подсчетам Коллегии иностранных дел, численность бывших подданных Джунгарии, принятых в подданство России, составляла к началу 1760 г. 14617 человек обоего пола, включая детей, однако многие из них погибли от болезней, недостаточного питания и зимних холодов.

Положение
алтайцев,
оставшихся на
родине

Несмотря на выход многих алтайцев к российским военным линиям и их переселение на Волгу, большинство алтайцев осталось в горах. Осенью 1756 г. вернулись в свои кочевья вышедшие к Бийску алтайцы-двоеданцы из отоков зайсанов Бурута и Намыка. Вместе с ними добились возвращения в Горный Алтай под видом двоеданцев некоторые старшины, не состоявшие ранее в двоеданничестве. Многие старшины бежали вместе со своими людьми, боясь переселения в Калмыцкое ханство. Однако большинство бежавших не отказывается от российского подданства и уплаты ясака.

Калмыцкие эмиссары обвинили Дегарригу в незаконном отпуске в горы новоподданных. Полковник Лорих, присланный для расследования обстоятельств ухода алтайцев с линии, потребовал вернуть всех ушедших, в том числе двоеданцев, обратно на линию. Командование линии попыталось вывести к Бийску не только алтайцев, ушедших из-под линии, но и тех, которые не принимали подданства России. В этих целях из Бийска в июне 1757 г. был послан небольшой отряд во главе с поручиком Заливиным. Однако все попытки вывода на российские военные линии оставшихся в Горном Алтае алтайцев не увенчались успехом из-за их нежелания быть подвергнутым переселению с Алтая.

Падение Джунгарии привело к ликвидации русско-джунгарского двоеданничества тубаларов, чалканцев, кумандинцев и других этно-территориальных групп Южной Сибири. Со-

вместным постановлением командования Колывано-Кузнецкой военной линии и администрации Кузнецкого уезда от 6 сентября 1757 г. переселение бывших двоеданцев в другие районы Сибири признается нецелесообразным.

В отличие от других русско-джунгарских двоеданцев, восточные теленгиты после гибели Джунгарии не стали подданными России. Наряду с зависимостью от России, они вынуждены были признать себя вассально зависимыми от Цинской империи.

Осенью 1757 г. русские власти предприняли новую попытку склонить к подданству России алтайских старшин, оставшихся в Горном Алтае. Посланному в горы с этой целью Максюкову удалось добиться принятия российского подданства зайсаном Намжилом Тысовым, который был приведен к шерту, но отказался от выхода на линию. Проявил склонность к российскому подданству старшина Чубряк Акбилеков. Однако зайсан Боокол по-прежнему отклонил предложение принять подданство России.

Боокол посчитал за лучшее принятие подданства Цинской империи. Цинские власти используют его, как и кобдинских зайсанов, в насильственном приведении в цинское подданство алтайцев. В конце 1757 г. многие алтайцы были захвачены отрядами Боокола и Чадака и переселены в земли последнего, в бассейн р. Кобдо в Монгольском Алтае.

Много алтайцев, не имевших подданства Цинской империи и России, укрывалось в 1757 г. в правобережье Черного Иртыша и озера Зайсан. Против них цинские власти направили большие отряды.

Летом и осенью 1758 г. состоялось очередное крупномасштабное вторжение цинских войск в Горный Алтай, в результате которого многие алтайцы были уничтожены или переселены на территорию Цинской империи. С конца 1758 г. набеги цинских отрядов в Горный Алтай практически прекратились на несколько лет.

Трагедию алтайцев усугубили массовые набеги казахов Среднего жуза, начавшиеся весной 1758 г. и продолжавшиеся в течение почти двух лет, в ходе которых немало алтайцев, в том числе подданных России, было уведено в плен. Прекращению казахских набегов послужила угроза цинского удара,

сложившаяся из-за нападения казахских предводителей на подданных Цинской империи в бассейне р. Кобдо.

По просьбе сибирских властей, указом Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1758 г. командованию Колывано-Кузнецкой линии разрешалось организовывать походы против алтайцев, не принявших подданства России, однако таких походов было немного, так как после начавшихся массовых набегов казахов, алтайцев, не являвшихся подданными России, осталось в Горном Алтае мало. Люди, взятые в плен в ходе походов служилых Колывано-Кузнецкой военной линии в Горный Алтай, были отправлены в Поволжье.

Чтобы присоединить земли алтайцев, большая часть которых приняла русское подданство, правительство России стремилось отодвинуть Колывано-Кузнецкую военно-пограничную линию в южные районы Горного Алтая. Однако эти планы оказались неосуществимыми в силу труднодоступности и отдаленности указанных районов. Горный Алтай остался за русской пограничной линией. В то же время цепь цинских застав прошла по южной окраине Горного Алтая. Территория Горного Алтая рассматривалась Пекином как буферная зона.

В 1763 г. Горный Алтай испытал новую волну цинского вторжения. Захватчики увели в бассейн р. Кобдо значительное число алтайцев, в том числе подданных России. Цинские власти ответили отказом на требование командования Колывано-Кузнецкой линии и алтайских зайсанов освободить угнанных российских подданных.

Между тем небольшие группы и отдельные семьи алтайцев, сумевшие выжить в череде многочисленных вторжений иноземных войск, и не имевших российского подданства, стали присоединяться к отокам своих соплеменников, находившихся в подданстве России. Зайсаны и демичи, имевшие российское подданство, выдают их перед российскими властями за своих людей. Таким своеобразным путем практически все население Горного Алтая, за исключением Кёбёкского и Тёлёсского отоков, оказалось постепенно в подданстве России.

К середине шестидесятых годов XVIII в., когда прекратились цинские набеги, в Горном Алтае находилось в подданстве России пять отоков алтай-теленгитов. Из них только два отока возглавлялись потомственными зайсанами.

Во главе остальных находились бывшие демичи, объединившие вокруг дючинов остатки прежних отоков. Вследствие того, что большинство из названных пяти отоков возникло на базе прежних дючинов, а также малочисленности населения новых отоков, русские власти стали называть их всех дючинами, присвоив каждому порядковый номер.

После падения Джунгарии вместо одной Телесской «волости» в источниках появляются две Телесские «волости». По всей видимости, произошло разделение единого Телесского отока на два самостоятельных отока. Во главе одного по-прежнему стоит зайсан из рода тёлёс. Другой оток возглавил зайсан из рода кёбёк. Вместо наименования «Телесские волости» за ними закрепляются названия «Первая таутелеутская волость» и «Вторая таутелеутская волость». Примерно с середины XIX в. указанные волости стали называться Первой и Второй чуйскими волостями. Цинской администрацией Телесский и Кёбёкский отоки рассматривались как два хошуна Кобдинского округа провинции Кобдо-Улясутай. Зависимость этих двух отоков от России и Китая была в значительной мере номинальной. Оказавшись в фокусе интересов двух великих государств, России и Цинской империи, они сохранили определенные суверенные права.

Вопрос о границе.

Чугучакский договор

Территория Горного Алтая, несмотря на то, что большая ее часть была занята населением, принявшим подданство России, оставалась долгое время после падения Джунгарии спорной между Россией и Цинской империей. С конца второго десятилетия XIX в. русские власти предпринимают шаги к фактическому присоединению территории за Колывано-Кузнецкой линией. С 1818 г. русскому населению было разрешено селиться за линией. Постепенно Пекин признает алтайцев пяти указанных выше отоков подданными России, но претендует на их территорию. В 1790 г. китайские власти предприняли попытку вытеснить алтайцев-подданных России, с южных и центральных районов Горного Алтая, однако до применения оружия дело не дошло. Притязания цинской администрации были пресечены вмешательством российских властей.

Прошло более ста лет после захвата Цинской империей

Джунгарии, прежде чем было достигнуто соглашение между Петербургом и Пекином о разграничении на Алтае. Пекинским договором 1860 г. было впервые намечено общее направление линии российско-китайской границы к западу от перевала Шабин-дабага в Западном Саяне. Территория Горного Алтая находилась по российскую сторону от предполагаемой граничной черты.

В 1861—1864 гг. в Чугучаке велись русско-китайские переговоры о подписании договора о разграничении. В связи с предстоящим разграничением цинские власти настойчиво призывали алтайцев Кёбёкского и Телесского отоков переселиться на китайскую сторону предполагаемой границы и принять цинское подданство. Русская администрация агитирует указанных алтайцев вступить в подданство России.

Договор о разграничении между Россией и Китаем был подписан в Чугучаке 25 сентября 1864 г. Относительно родоплеменных групп, обитавших на ранее спорной территории, текст договора гласит, что они должны принадлежать тому государству, к которому отойдут их земли. Таким образом, не было препятствия для удовлетворения просьбы о российском подданстве зайсанов Кёбёкского и Телесского отоков. В конце 1864 — начале 1865 г. эти отоки были приняты в состав России. В 1869 г. состоялась установка пограничных знаков на русско-китайской границе на Алтае⁴⁰.

Так завершился длительный процесс присоединения алтайского народа к России, основные события которого приходятся на 1756 г. Если до середины XVIII в. отношении алтайцев к России преобладало сопротивление стремлению России расширить свои владения на Алтае военным путем, то с началом цинской агрессии против Джунгарии в 1755 году, у алтайцев появилась тенденция к принятию российского подданства. Между Россией и цинским Китаем алтайский народ сделал добровольный выбор в пользу первой. По доброй воле состоялось оформление российского подданства и оставшейся части алтайцев в шестидесятых годах XIX в.

Следует отметить, что в историографии проблемы присоединения Алтая к России не обошлось без подмены научного подхода пропагандистскими уловками, утаивавшими факты насилия, имевшие место в ходе присоединения, и некоторые отрицательные стороны развития алтайцев в составе России.

Хотя неустойчивый характер этнического воспроизводства не позволяет пока говорить о явном возобладании тенденции роста и укрепления алтайского этноса над тенденцией его ассимиляции (растворения среди русского этноса), постепенно идущей вверх примерно с середины XIX века, наличие положительных, прогрессивных сторон в последствиях присоединения алтайского народа к России несомненно.

1. Самаев Г. П. Теленгитский этнос в XVII—XIX вв. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1993. — С. 307—314.
2. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1040, л. 40 об. — 41.
3. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII—середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991, С. 106.
4. Там же. С. 66.
5. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — Элиста, 1991, С. 71.
6. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1040, л. 40 об. — 41.
7. Самаев Г. П. Горный... С. 118.
8. Там же. С. 93.
9. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1040, л. 42 об. — 43.
10. Там же.
11. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. С. 70—78.
12. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1040, л. 42 об. — 43.
13. Там же.
14. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л., 1934. С. 133.
15. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. — М., 1990. С. 58—76; Их Цааз («Великое уложение»). М., 1981.
16. Самаев Г. П. Горный... С. 36—53.
17. Их Цааз... С. 18.
18. Там же. С. 28—29.
19. Самаев Г. П. Горный... С. 38—40.
20. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983; Чернышев А. И. Ук. соч.; Эрдниева У. Э. Калмыки. — Элиста, 1985; Санчилов В. П. «Илэтхэл Шастир» как источник по истории ойратов. — М., 1990.
21. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. — М., 1987.
22. Там же.
23. Самаев Г. П. Горный... С. 53—75.
24. Там же. С. 76—88.
25. Там же. С. 88—90.
26. Там же. С. 90—100.
27. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной

Азии в XVII — первой половине XIX в. — М., 1983. С. 100—104; Златкин И. Я. Ук. соч... С. 286—287; Бичурин Н. Я. Ук. соч. С. 60—61.

28. Бичурин Н. Я. Ук. соч... С. 57, 60—61; Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Книга 2. С. 221—222.

29. Златкин И. Я. Ук. соч... С. 287.

30. Там же. С. 288.

31. Гуревич Б. П. Ук. соч... С. 105; Златкин И. Я. Ук. соч... С. 288—289; Бичурин Н. Я. Ук. соч... С. 62.

32. Международные отношения... С. 231.

33. История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 207.

34. Самаев Г. П. Горный... С. 105—107; Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. — М., 1983. С. 55—64.

35. Златкин И. Я. Ук. соч... С. 290—291; Гуревич Б. П. Ук. соч... С. 105—107; Бичурин Н. Я. Ук. соч... С. 62—63.

36. Международные отношения ... С. 251—257.

37. Там же С. 258—259.

38. Самаев Г. П. Горный... С. 108—111.

39. Златкин И. Я. Ук. соч... С. 294—303; Гуревич Б. Я. Ук. соч... С. 107—117; Чимитдоржиев Ш. Б. Ук. соч... С. 83; Чернышев А. И. Ук. соч... С. 74—76; Международные отношения...

40. Самаев Г. П. Горный... С. 129—172.

ДОКУМЕНТЫ

Документы из изданий XIX в.

Донесение кузнецкого воеводы о походе за ясаком в новые земли

(1629 г., ранее 6 октября)

Государю... Савка Языков челом бьет. В нынешнем во 137 году генваря в 20 день... посылал я... служилых людей: Володку Оверкиева, Петрушка Дорофеева, Ивашка Иванова, Гришку Яковлева с товарищи, 56 человек, в Кизигеченскую да в Ислельскую волости новыя; а в тех новых волостях живут новыя люди, а... ясаку с себя и с своих кыштымов не дают. И те... служилыя люди... ходили... тех... непослушных людей погромили, жон и детей в полон побрали; а в языцах привели двух человек лутчих людей. И те мужики сказали мне... потому де новыя люди по сю пору ясаку... не даем, а не велят нам давати Белыя Колмаки. А как пришли... служилыя люди... и из тех новых волостей подали весть в Белыя Колмаки к Шуриным детям*, а... служилыя люди пошли назад в Кузнецкой острог. И те Шурины дети, собрався со многими с колмацкими людми... служилых людей на дороге хотели побить и отгромить у них... непослушных людей и от Шуриных детей... служилыя люди... бившиися отошли в Кузнецкой острог...

(Русская историческая библиотека. Т. 8. — СПб., 1884. — С. 599—601)

Отписка кузнецкого воеводы Дубровского томскому князю Кольцову-Мосальскому (1682 г.)

В нынешнем... во 190-м году июля в 21 день писал я к тебе о князце черных калмыков¹ Кожене Матуре и о многих его воинских людех, что идут они под Кузнецкой², и о князце Матуре-Тайчи, и о черных калмыках, и о точех, и о мугатех,

* Речь идет о сыновьях ак-теленгитского князя Шур.

и о саянех, и о князце Табунке Кокине, и о воре-изменнике Еряначке с киргизы, и о... августа... в 15-й день пришел в приказную избу кондомский Бокчетаева улуса ясачный... Ендукайко Аргышаков, а... сказал: «августа-де в 11 день Елейской волости ясачный... Бойботайко прислал к ним ясачного ж... Ебагу и велел ему Ендукайку весть подать и сказать в Кузнецком, что-де сел под Кузнецким Алтайской земли князец Матур-Тайчи со своими воинскими людьми и пришел-де он Матур-Тайчи с теми своими людьми, стоит на Бее реке, а послал-де он Матур-Тайчи от себя в черные калмыки к Бошту-кану наскоро, чтоб-де он Бошту-кан прислал к нему от себя многих людей, а ему-де, Матур-Тайчи, идти с ними на Кузнецкий войною разорять без остатку для того, что-де у него под Кузнецким многих людей побили и переранили, а с Бее реки в Кузнецкий поспевают в четыре дни и меньше; что он, Матур-Тайчи... с Коженом Матуром сошелся, и под Кузнецкой с ним поворотился; и ныне я под Кузнецкий приходу воинских людей ожидаю в скорых числах, а от таких многих... людей... оберечь Кузнецкаго острога некем... а я... июля с 3-го числа сию в осаде, и в острог и около посаду живу с великим опасением.

...отписка послана в Томской⁴...
августав 28 день

(Кузнецов-Красноярский И. П. Исторические акты XVII столетия. — Томск, 1897. — С. 15—16)

1. Черными калмыками русские называли подданных Джунгарии
2. Кузнецкий острог
3. Джунгарский хан Галдан-Бошокту
4. Томск

Документы, собранные в XVIII в. историком Г. Ф. Миллером. Опубликовано: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1—2. М., 1937—1941.

1604 г. марта 21. — Грамота царя Бориса Федоровича в Тюмень голове Алексею Безобразову о посылке в Тобольск стрельцов с хлебными и военными запасами для составления отряда, направляемого на строение города Томска.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Алексею Ивановичю Безобразову. По нашему указу велено вверх Оби, в Сургутском уезде, на реке на Томи, в Томской волости поставити город; а для городского ставленья велели есмя послати из Сургута Гаврила Писемского да из Тобольска Василья Тыркова, а с ними, к Тобольским, и к Сургутцким, и к Березовским служивым людям в прибавку, Тюменских служивых людей с атаманом з Дружиною с Юрьевым 50 человек стрельцов и казаков да 2 человек пушкарей, а велено тем Тюменским служивым людям в Томском городе годовать; а снаряду велели есмя послати ис Тюмени пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных да 200 ядер свинцовых, да 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас послал ис Тюмени в Тобольской з атаманом с Дружиною с Юрьевым, выбрав лутчих стрельцов [и] казаков, 50 человек да 2 человек пушкарей. А наше им хлебное и денежное жалованье на нынешней на 112-й год дал в Тюмени оклады их сполна. А наряду с ними послал бы еси ис Тюмени: пищаль скорострельную, а к ней 200 ядер железных да 300 ядер свинцовых, 10 пуд зелья, 10 пуд свинцу. А однолично б еси ис Тюмени служивых людей, и наряд, и зелье, и свинец послал в Тобольской не мешкав, чтоб за тем, Тобольским служилым людям мотчанья не было; а наш указ в Тобольской о них послан. А как тех служивых людей, и наряд, и зелье, и свинец ис Тюмени в Тобольской пошлешь, и ты б о том отписал к нам к Москве а отписку велел отдати в приказе Казанского и Мещерского дворца дияку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7112-го марта в 21 день.

Подлинная грамота за приписью диака Нечая Федорова.

1604 г. марта 25. — Выписка из наказа сургутскому голове Гавриле Писемскому и тобольскому голове Василию Тыркову, отправленным для строения города Томска.

В наказе голове Гаврилу Иванову Писемскому да Василью Тыркову написано: Лета 7112-го марта в 25 день бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии из Сибири Томские волости Тоян князь, чтоб великому

государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси пожаловати, велеть ему быть под его царскою высокою рукою и велети быть в вотчине его в Томи поставить город; а место де в Томи угоже и пашенных людей устроить мочно; а ясашных де людей у него 300 человек; и как де город поставят, и те де ево ясачные люди будут под государевою царскою высокою рукою и ясак учнут платити; а которые де будут около того города государевы непослушники, и он Тоян учнет про них сказывати и приводить их под государеву царскую высокую руку; а до Чат де будет от того города 10 дней; а до киргиского¹ князька до Немчи 7 ден, а людей у него 1000 человек; а до Ород², до князца до Бинея, до ближняго кочевья 10 ден, а до дальнего кочевья 4 недели, а людей у него 10000 человек; а до Телеут дальнее кочевье 5 ден; а князек в Телеутах Обак³, а людей у него 1000 человек; а до Умацкого князца до Чити дальнее кочевье 14 дней, а людей у него 300 человек. А как де в Томи город станет, и тех де городков кочевные волости все будут под государевою царскою высокою рукою и ясак с них имати мочно. И великий государь пожаловал их, велел у них в их земле в Томи поставить город, и велел их от их недругов от дальних земель во всем оберегать, и ясаку с них до своего государеву указу имати не велел.

1609 г. не ранее февраля 11. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с людьми Кузнецкой волости.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешнем государь, во 117-м году ноября в 20 день посылали, государь, мы холопи твои для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости Томских служилых людей конных казаков Баженка Костянтинова, да Левку Олпатова да Ивашка Шокурова с товарищи. И пришли, государь, оне из Кузнецких волостей февраля в 11 день и в роспросе, государь, нам холопом твоим Баженко с товарищи

¹Енисейские кыргызы

²Ойраты

³Абак

сказали, что их в Кузнецких волостях хотели побить и ясаку дать не хотели, и что, государь, с ними было взято товару для твоего государева имени, и у них товары их гребежем поймали, [и] их хотели побить, а не дали, государь, их побити немногие Кузнецкие люди, которые тебе государю прямят, князек Базаяк с своими людьми в Обинской волости. И в ыные де, государь, оне волости к Кузнецким людям посылали разговаривать, чтоб твоих государевых людей в розходе по волостем не побивали и не грабили. И оне де, государь, служилых людей в Кузнецких волостях Бадачак, да Кубасак, да Басарак с своими людьми грабили, а ясаку тебе государю дали не сполна соболишек худых, которые, государь, в твою государеву казну не пригодятца. И преже сево, государь, Кузнецкие люди ясаку тебе государю платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца. И оне де, государь, Кузнецково князька Базаяка звали в Томской город к твоему царскому жалованью, что он тебе государю служит и прямит и твоих государевых людей не дал побить. И он де, государь, сказал, что в Томской город итить не смеет для тово: пойти де, государь, ему в Томской город, и без него де, государь, Кузнецкие люди его розграбят и жену де и детей побьют, и ему де, государь, за тем итить нельзя. А воеват, государь, Кузнецких людей послать, и служивых людей, государь, в Томском городе мало, и тех, государь, пополам посылают в Тобольской летом против твоей государевы казны денежной и хлебной, а твоя государева казна денежная и хлебная приходит на осень, и воевать, государь, осенью и зимою Кузнецких людей не мошно, что живут, государь, в крепостях в великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы, а зимою живут снега великие, и воевать, государь, их кроме лета, в жары, не мошно, и в те поры, государь, служивые люди живут в россылках, а в Томском, государь, городе люди оставаютца немногие, и те стоят на караулах на отъезжих, и в городе и на остроге по воротам стоят безпрестани немногие люди.

1609 г. не ранее марта 31. — Отписка томских воевод Вас. Волынского и Мих. Новосильцова в Москву об их сношениях с белыми калмыками.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, да Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 113-м году по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу Гаврило Писемской да Василей Тырков посылали, государь, в Белые калмыки к князю Обаку и к ево людям с твоим государским жалованным словом и призывали их под твою царскую высокую руку, чтоб они ехали в Томской город, Тобольсково литвина Ивашка Поступинсково да Томсково конного казака Баженка Костянтинова с товарищи. И приехали, государь, оне из Колмаков генваря в 2 день и в распросе сказали: как де оне приехали в Белые колмаки в Обаку князю и ко всем колмацким людям с твоим царским жалованным словом, и оне де, государь, твоему царскому жалованью ради; и учили де, государь, их звати в Томской город, и оне де, государь, сказали: будем мы на весну с людьми своими к царскому жалованью, приедем в Томской город с своими головами. И в Томском, государь, городе Обак князь и мурзы колмацкие не бывали в Томской город при Гавриле Писемском да при Василье Тыркове и при иных, государь, головах не бывали, и тебе государю Обак князь с своими людьми не шертовал, а присылали, государь, колмацкие люди в Томской город татар с поминками к тебе государю, а ясаку тебе государю не платили, и сам князь Обак и лутчие мурзы в Томской город не бывали, как Томской город поставили. И в нынешнем, государь, во 117-м году февраля в 4 день посылали, государь, мы холопи твои в Белые колмаки к князю Обаку из Томсково князя Таяна да с ним Томских казаков Ивашка Коломну, да Ваську Малентиева, да Ивашка Петлина, а велели, государь, им звать в Томской город колмацкова князя Обака и ево лутчих мурз к твоему царскому жалованью; и будет Обак и лутчие люди мурзы за тем не поедут, что боятца, что их в закладе оставят, и мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку велели дать слово свое прямое на том, чтоб оне в том не опасались, что их в закладе в Томском городе не оставят, и тем бы его обнадежить, чтоб был в Томской город; и буде не поверит слову прямому князь Тоянову и служивым людям, и мы, государь, холопи твои велели для веры остатца в Колмаках в закладе князю Тояну или служивым людям, ково излюбят колмаки, покамест Обак князь будет ис

Томсково города, для того что Обак князь да лутчие мурзы в Томской город за тем не бывали, что опасаютца, что их в закладе оставят. И приехали, государь, из Белых колмаков князь Таян да Ивашко Коломна с товарищи марта в 31 день и в роспросе, государь, сказали, что оне колмацкого князя Обака звали и ево лутших мурз к твоему царскому жалованью; и оне де, государь, им сказали, что не смеют ехати в Томской город за тем, что их оставят в закладе; и князь Таян же, государь, им да Ивашко Коломна с товарищи слово свое прямое на том давали, чтоб оне ехали в Томской город не бояся, а в закладе их не оставят; и колмацкие, государь, люди слову де их не поверили, а велели де, государь, на том князю Таяну шертовать, что их ис Томсково города отпустят, как оне будут в Томском городе; и князь Таян де, государь, колмацкому князю Обаку на том шертовал: как он будет Томском городе, и их в закладе не оставят. И Обак, государь, с ними в Томской город к твоему царскому жалованью приехал, а с ним приехали мурзы и лутчие люди и били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб ты, государь, пожаловал, велел им кочевать блиско Томсково города, а оне хотят служить и прямить тебе государю; и на ково ты, государь, их пошлешь на своих непослушников воевать, и оне хотят служить все своими головами; а ясаку с них имать не велел. А челом ударили тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии в поминках* 30 соболей да лисица красная. И мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку и мурзам и ево людем сказали твое царское милостивое слово, чтоб оне кочевали ближе к Томскому городу, а ты, государь, их пожалуешь, велишь оберегать от Алтына царя и от Казацкой орды, и впредь бы оне были на твою царскую милость надежны; а о том бы он ехал бити челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии к Москве, чтоб ты, государь, их пожаловал, не велел с них ясаку имать, и оне сами увидят твои царские очи и к себе твою царскую милость. И Обак и мурзы с своими людми на том тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии шертовали, что им быти под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе

* Поминонок (поминка) — подарок, приношение в знак памяти

государю служить и прямить. И твоево царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку малиновую, лундыш, да рубашку золотную, да колпак, да сапоги; а мурзам по однорядке настрафильной и людем ево по однорядке Рословской. И с тех, государь, мест Обак князь, и мурзы колмацкие, и их люди, и черных колмаков люди немногие с белыми колмака почали часто з базаром, с лошадыми и с коровами, приходить в Томской город, и лошадыми, государь, и коровами служивые люди наполнилися в Томском городе. И впредь, государь, начаютца черных колмаков приходу великово базару с лошадыми и с коровами, что черные колмаки з белыми колмаками кочуют многие заодно. И колмаки, государь, белые, князь Обак и мурзы с своими со всеми людьми, подкочевали к Томскому городу и учали кочевать со всем улусом за день от Томсково города; и по иных, государь, начаютца черных колмаков, что учнут кочевать ближе к Томскому городу. И Обаку, государь, велели черных колмаков призывать под твою царскую высокую руку, что ты, государь, их пожалуешь, велишь их оберегать от Алтына царя, и от Казацкой орды, [и от] черных колмаков, и приходили б черные колмаки в Томской город з базаром, с лошадыми и с коровами. И Обак, государь, черных колмаков хочет призывать под твою царскую высокую руку и начаятца, государь, их призвать под твою царскую высокую руку, и учнут приходить в Томской город с ними. А ныне де, государь, потому черных колмаков с ними мало приходят, что воуютца с Алтыном царем.

1609 г. не ранее марта 31. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с черными калмыками.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынский, Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 116-м году апреля в 12 день прислана, государь, к нам холопом [твоим] на Верхотурье твоя государева грамота с Березовским с казаком с Михалком Кошмыловым, а в твоей государеве грамоте написано, что во 116-м году генваря в 1 день писали к тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа

Русии ис Томсково города Матвей Ржевской да Семен Бартенев, что во 115-ом году мая в 1 день приходили в Томской город послы от черных колмаков, от князька Бе[зе]нея, да от князька Узенея и от [О]бакая, и, пришед в Томской город, били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб им быть под твоей царскою высокою рукою неотступным, и от Алтына царя и от Казацкой орды их оберегать, и своим государевым служивым людем воевать не велел, и велети им приходити в Томской город с лошадыми и с коровами; и нам, государь, холопом твоим по твоему государеву указу велено послать к тем колмацким тайшам к Изинею, да Узинею, да к Обакаю и ко всем их улусным людем служивых людей, ково будет пригоже, и татар чатцких и волостных, которым бы колмаки верили; а велено, государь, им лутчим тайшам Езению, да Узению, да Абакаю говорити: присылали оне в Томской город послов своих к твоему царскому величеству бити челом, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им быть под твоею царскою высокою рукою и от Алтына царя [и] от Казацкой орды оберегать, и своим государевым служивым людем воевати их не велел, и приходити велел в Томской город з животиною, с лошадыми; и ты государь, колмацких тайшей Езенея, да Узенея, да Обакая и их улусных людей пожаловал, велел быть под своею царскою рукою, и воевать их своим государевым служивым людем не велел, и велел их, государь, от Алтына царя и от Казацкой орды оберегать; и оне б были под твоею царскою высокою рукою неотступно, и тебе б великому государю служили и прямили во всем; и к шерте велено привести, и заклады взять в Томской город, и ясак на них взять лошадыми, сколько оне дадут; и ехали б оне лучшие тайши сами к тебе великому государю к Москве, а подводы им и корм в дорогу до Москвы и назад до Томского города будут; и оне сами увидят твои царские очи, а ты государь, их пожалуешь своим царским великим жалованьем; а будет оне не поверят и к тебе к великому государю ехать не похотят, и нам холопом твоим велено для веры дать закладных людей, сколько человек пригоже, и самим нам холопом твоим велено слово прямое дать, чтоб оне ехали к тебе государю безо всякого опасенья. И в нынешнем, государь, во 117-м году октября в 2 день, по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу,

посылали, государь, мы холопи твои в Черные колмаки к князьком к Безенею, да Узенею, да Обакаю [и] их улусным людям с твоим царским жалованным словом Томских конных казаков Баженка Костянтинова, да Ивашка Попова, да Игнашка Кудрова, да в толмачех Дружинку Есыря; и Баженку, государь, с товарищи велели взять в Белых в колмаках лутчих мурз колмацких, которым черные колмаки верят, и велели, государь, ему из Белых колмаков итить в Черные колмаки с ними и черных колмаков велели звать в Томской город к твоему царскому жалованью. И Баженко, государь, Костянтинов с товарищи из Белых колмаков воротился в Томской город. И пришли, государь, оне из Белых колмаков октября в 29 день и в роспросе, государь, оне сказали, что по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу в Белых колмаках были и говорили колмацким мурзам, чтоб оне шли с ними в Черные колмаки призывать черных колмаков к твоему царскому жалованью; и белых де, государь, колмаков мурзы не пошли в Черные колмаки, для тово, что черные колмаки от них откочевали далече и воюютца с Алтыном царем и с Казачьей ордою; и иные черных колмаков улусы от тех князей Езенея да Узенея откочевали, а живут на дороге от тех князей, и оне де, государь, твоих государевых людей не пропустят, на дороге побьют. И Баженка, государь, с товарищи затем не повели в Черные колмаки из Белых колмаков, что их привести не мошно с тем князем колмацким. И белых колмаков был в Томском городе Обак князь и мурзы колмацкие, приезжали в нынешнем, государь, во 117-м году марта в 31 день. И мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку говорили, чтоб он послал своих мурз лутчих в Черные колмаки к колмацким князем с твоими государевыми служивыми людьми и велел бы их звать в Томской город к твоему царскому жалованью. И Обак, государь, сказал, что черные колмаки будут в Томской город к твоему царскому к жалованью, а тепере черные колмаки откочевали далече и воюютца с Алтыном царем и с казачьею ордою, и меж себя черные колмаки и воюютца, и лутчево князя их Узенея не стало, и весть твоих государевых служивых людей нельзя, что черные колмаки на одном месте не кочуют, и вести, государь, про черных колмаков нет прямые, где оне кочуют, от Белых колмаков откочевали далече.

1618 г. не ранее мая... — Отписка томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога.

Господину князю Ивану Семеновичю Федор Бабарыкин, Гаврило Хрипунов челом бьют. В нынешнем, господине, во 126-м году февраля в 24 день писали мы к тебе с Томскими казаки с Ларькою Алексеевым да с Ярошкою Порамоновым, что в нынешнем же во 126-м году февраля в 18 день послали мы в Кузнецкие волости голов татарского Осипа Кокорева, да казачья Молчана Лаврова, да с ним Томских служивых людей конных стрельцов и казаков и татар на лыжах, а велели мы им в Кузнецких волостях сойтитца с сыном боярским с Остафьем Харламовым и итти на улусы [на] Кондому реку, а пришед на тое Кондому реку, велено им Осипу, да Молчану, да Остафью и Томским, и Тюменским, и Верхотурским служивым людям на усть Кондомы реки, присмотря место угожее, где были угоды всякие, поставить острог, и всем укрепити, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать ласкою, а не жесточью, чтоб Кузнецких и иных волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно, и государев ясак с себя государю ежегод давали. А буде которых Кузнецких и иных волостей люди учинят[ся] в непослушанье, под государевою царскою рукою быть не похотят, и тех волостей непослушников велели воевать, жен их и детей в полон имать, а лутчих людей в закладчики приводить. И нынешнего 126-го году мая в 3 день головы Осип Кокорев да Малчан Лавров и с служивыми людьми из Кузнецов в Томской город пришли и сказали нам в съезжей избе Осип и Молчан и Остафей Харламов писал, что божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем и его царскою высокою рукою в Кузнецких волостях на усть Кондомы реки с Томскими, и с Тюменскими, и с Верхотурскими с конными людьми острог поставили, и крепость зделали, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели. И ясаку Остафей прислал из Кузнецкого острогу с Осипом да с Малчаном, что у него было в зборе. И бьют челом государю кузнецкие люди, чтоб их государь пожаловал, своево государева ясаку с них брать на нынешней на 126-й год не велел, потому что де у

них нынешнего году лешне нет, а вперед де они государю с себя ясак станут давать ежегод. И мы в новой в Кузнецкой острог Остафью Харламову в перемену [послали] татарского голову Осипа Кокорева да сына боярского Бажена Карташева, да с ними Томских служивых людей пеших казаков на годовую 8 человек мая в... день. А Остафью Харламову с служивыми людьми, которые ныне в Кузнецком остроге, велели быти из Кузнецково острогу в Томской город. И тебе, господине, на государеву службу на годовую в Кузнецкой острог... которые ныне посланы с Осипом Кокоревым... мало по государев ясак... потому что в Кузнецких волостех людей много; а как послать по государев ясак в волости, и надобе служивых людей в россылки человек по 40 и по 50.

1623—1624 гг. — Отписка кузнецкого воеводы Евдокима Баскакова Томским воеводам князю Афанасию Гагарину и Семену Дивову о присылке в Кузнецкий острог служилых людей для похода против кузнецких людей и калмыков.

Господам князю Афанасью Федоровичю, Семену Васильевичю Авдоким Иванов Баскаков челом бьет. В прошлом, господа, в 131-му году... и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено мне орицких калмацких людей приводить под царскую высокую руку к шерти, а от калмацких ясачных государевых людей оберегать. Да в нынешнем же, господа, во 132-м году многие кузнецкие люди не в послушанье, а государю на нынешней 132-й год ясаку не дали, а збираютца в скоп, а хотят з государевыми людми битца; а которые государевы ясачные люди в послушанье и ясак государю дают, и тем ясачным людем от колмацких людей истеснение великое, и обиды их женам и детям, мучат и в полон емлют, а иных секут, а с достальных людей ясак... и железом деланым и всякою мягкою [рухлядью]... И в нынешнем, господа, во 132-м году кузнецких ясачных людей от тех колмацких людей оборонять некем, служилых государевых людей в Кузнецком остроге мало. И вам бы, господа, по государеву указу и по боярской отписки, которым указано в Кузнецком остроге на государеве службе быть, прислать вам, господа, тех людей вскоре. Да вам же, господа, прислать в прибавку х тем же служивым людей,

с кем мочно в Кузнецком остроге над калмыцкими людьми промышлять, чтоб государевым служилым людем от калмацких и от кузнецких людей порухи не учинилось. И яз, призывая бога в помощь, по государеву указу хочю промышлять над теми государевыми ослушниками [над кузнецкими] и над калмацкими [людьми, сколько] милосердый бог помощи подаст.

1633 г. сентября 28. — Наказная память томского воеводы князя Никиты Егупова Черкасского томским служилым людем десятнику Василию Седельникову с товарищами, отправленным в Белые Калмыки к князю Абаку.

Лета 7142-го сентября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, стольник и воеводы князь Никита Иванович Егупов Черкасской, да Федор Григорьевич Шишкин да диак Ондрей Строев велели томским служивым людем десятнику Ваське Гаврилову сыну Седельникову да Ивашку Левонтьеву сыну Алпакову да для толмачества чатцкому татарину Андаулу Киташеву ехати в Белые Колмаки х князьцу Абаку для тово: в прошлом во 140-м году и во 141-м году посланы были к нему х князю к Абаку Томского города служилые люди многижда, а велено им князю Абаку говорить, чтоб он Абак, помня к государю прежнюю свою правду, на чом преж сево государю шерть дал, от измены своей отстал, ко государской милости обратился и был бы под государевою царскою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен, и шол бы ко государской милости в Томской город и дал великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси шерть бы на том, что ему быть под его государевою царскою високою рукою в прежнем холопстве навеки неотступну, и внучат своих Тарлавковых детей и Аидека мурзу привел в Томской город с собою вместе. И томским служивым людем он Абак говорил, что де он Абак под государевою царскою високою рукою быть и служить государю рад по прежнему. И в то де время с томскими людьми ехать ему Абаку в Томской город было нельзя, и в том он Абак солгал; сам он ко государской милости в Томской город по ся места не бывал и сына своего и лутчих людей не прислал, а прислал с ними внучат своих Тарлавковых детей Итегменя да

Коймаса, а чацково мурзу Аидека со всеми ево животы оставил он Абак у себя. Да Абак же наперед сево улусных своих людей присылал в Томской город с торгом, человек по 30 и по 40 и по 50 и больше, а ныне он Абак улусных своих людей в Томской город с торгом присылал человека по 2 и по 3. Да в прошлом во 141-м году июля в 20 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, прежние томские воеводы князь Иван Татев с товарищи послали по Оби реке вверх на Бию реку государевых немногих ратных людей ставити острогу для обереганья государевых ясачных волостей Кузнецкого уезду. И Абак князец, сведав, по что государевы люди пошли на Бию реку, и собрал многих своих улусных и иных землиц людей и на дороге на государевых людей велел войною приходить; и те воровские люди, на дороге по Абакову веленью, на государевых людей выше Чюмышу приходили и по государевым людям стреляли и угроживали всякими воровскими статьями, приходить государевым людям, куды они посланы, те воровские люди не дали, потому, что государевы люди посланы были немногие, такова Абакова умышленья не ведая, и битца им с Абаковыми людьми не велено, потому что Абак был под государевою царскою высокою рукою. Да в нынешнем во 142-м году сентября в 18-й день Абаковы ж люди приходили в Кузнецкой острог на реку на Ускату и государевых кузнецких людей грабили, татарина Изембека да Бандарака молодого, да те ж Абаковы люди взяли с собою ускатских калмаков Кошпака с товарищи 5 человек з женами и з детьми, а тот Кошпак с товарищи давали государю погодной ясак и государеву службу служили в Кузнецком остроге. И приехав х князю Абаку, и говорить им князю Абаку, что он Абак, забыв государскую милость и свою к государю правду, на чом он государю шертовал, учинил изменою велел своим улусным и иных землиц воровским людям на государевых людей из Оби приходить войною, и своих же людей присылал в Кузнецкой уезд и государевых кузнецких людей грабили и Кошпака с товарищи взяли. И впредь бы он Абак улусным своим людям приказал накрепко, чтоб они з государевыми ни с какими людьми задоров некоторыми мерами не чинили. А что ево Абаковы люди взяли ускатских 5 человек Кашпака с товарищи з женами и з детьми и что ограбили государевых кузнецких людей, и он

бы Абак того Кашпака с товарищи отпустил на Ускат по прежнему в их юрты со всеми их животы и грабеж кузнецких людей прислал в Кузнецкий острог, чтоб ему Абаку для того государственной милости впредь не отбыть, и чтоб он Абак, помня прежнюю свою к государю правду и шерть, на чом он преж сего великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси шерть дал, от измены своей отстал и ко государственной милости обратился и был бы под государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен, и чатцкого б мурзу Аидка з женою и з детьми и со всеми ево животы в Томской город прислал с ними с Ваською да с Ивашком да с Аидаулом безо всякого опасенья. Да и сам бы он Абак для шерти и крепково утвержденья ко государственной милости шол в Томской город, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожалует, вины их велит им отдать и велит ево Абака принять под свою государеву царскою высокую руку и держать в своем царском милостивом призренье по прежнему. А в Томском городе царского величества стольник и воеводы князь Никита Иванович Егупов Черкаской, да Федор Григорьевич Шишкин да диак Ондрей Строев задержанья ему Абаку некоторого не учинят, отпустят ево в улус в ево кочевье тотчас. А будет он Абак учнет говорить, что самому ему Абаку за коими мерами в Томской город итти немочно, и он бы Абак в свое место прислал в Томской город сына своего да с ним лутчих своих улусных людей, кому в его место за нево и за его улусных людей государю шерть дать. И улусных бы своих людей с торгом прислал попрежнему, а в Томском городе торговать им повольно. А однолично Ваське да Ивашку да Аидаулку государю служба свои и раденье показать, Абаку говорить против сего наказу про все статьи накрепко. Да Ваське ж и Ивашку да Аидаулку проведать подлинно: где ныне черных колмаков князец Коксеж кочует и в коих местех, и царевич Аблагирим где ныне кочует и в коих местех. Да будет Абак к государственной милости в Томской город сам поедет или пошлет с ними сына своего или лутчих людей, и Ваське да Ивашку да Аидаулку, не доходя до Томсково города за днище и больши, прислать перед собою с вестью; а безвесно в Томской город с Абаком или с Абаковым сыном или с лутчими людьми не приходить. А товаров им с собою ис Томского города в Колмаки не

возить и с колмаками теми своими товары не торговать. А будет Васька да Ивашко какие товары в Колмаки повезут и с колмаками учнут торговать, а после про то същета, и те товары или что на те товары в Колмаках какой мяжкой рухляди выменит, и то все отпишут на государя, да им за то от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти в великой опале.

1643 г. не ранее апреля 2. — Отписка кузнецкого воеводы Дементия Кафтырева томскому воеводе стольнику князю Семену Клубкову-Масальскому об обложении ясаком людей Керсагальской, Усленской, Салунской, Мундусской, Тотошской и Кезегелицкой волостей.

Господину князю Семену Васильевичу Дементий Кафтырев челом бьет. В нынешнем, господине, во 151-м году февраля в 20 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси кузнецкие служилые люди атаман Петрушка Дорофеев, да пятидесятник Куземко Володимерцов, да десятник Фетька Петров, Гришка Туземской, Мишко Петлик, Аксенко Семенов и во всех кузнецких служивых людей места, а мне, господине, в съезжей избе подали челобитную за своими руками: в прошлом де во 140-м и 141-м году керсагальские люди платили государев ясак, а во 151-м году те керсагальские люди государева ясаку не платят. Да те ж, господине, керсагальские люди в прошлом в 141-м году приходили под Кузнецкий острог с Мачиком и тех де служилых людей и подгородных юртовских татар побили; да те ж де керсагальские люди ходят по все годы по государевым ясачным волостям и ясашных людей грабят и побивают и государева де ясаку платить не велят. И в нынешнем же, господине, во 151-м году февраля в 21 день посылаю я, господине, из Кузнецкого острогу к тем керсагальским людям кузнецких служилых людей атамана Петрушку Дорофеева да пятидесятника Куземку Володимерова с товарищи 93 человека да подгородных юртовских татар 15 человек и велел я, господине, кузнецким служилым людям атаману Петрушке Дорофееву, пятидесятнику Куземке Володимерову с товарищи тем керсагальским людям поговорить, чтоб они керсагальские

люди жили под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны, и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей платили по все годы сполна против иных ясашных людей по 10 соболей с человека; а будет керсагальские люди не похотят жить под государевою царскою высокою рукою и государева ясаку платить не учнут, и велено, господине, кузнецким служилым людем атаману Петрушке Дорофееву да пятидесятнику Куземке Володимерову с товарищи над теми керсагальскими людьми поиск чинить, сколько милосердый бог помощи подаст. И марта, господине, в 23 день кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев с товарищи пришли з государевы службы в Кузнецкой острог, а мне, господине, в съезжей избе в распросе сказали: как де оне служивые люди пришли к тем керсагальским людем, и тем керсагальским людем говорили, чтоб они керсагальские люди под государевою царскою высокою рукою были на веки неотступны, и на государскую милость были надежны во всем и государев ясак с себя и с своих улусных людей платили; и керсагальские де люди им служилым людем отказали, под государскою царскою высокою рукою жить не похотели, государева ясаку с себя и с своих улусных людей не дали и впредь в государеве ясаке отказали и платить не хотят, и с ними с служивыми людьми те керсагальские люди учили бой ставить, из луков стрелять, а их де керсагальских людей было человек со 100 и больше; и кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев да пятидесятник Куземко Володимеров с товарищи над теми государевыми непослушники после их отказу учили промышлять и поиск чинить, и божиею милостию и государским счастьем тех керсагальских людей на бою многих побили и переранили, и с бою ранены многие разбежались, а жон их и детей в полон поимали; а в языках привели в Кузнецкой острог керсагальского мужика Билачи да тут же в Керсагальской волости поимали Мачикова улуса мужика Саргучи. И тот, господине, керсагальской мужик Билачи приведен в Кузнецком остроге к шерти и отпущен в Керсагальскую волость, и с тем Билачем приказано х керсагальским людем, чтоб керсагальски люди пришли в Кузнецкой острог з государевым ясаком и для шертования и впредь для прямого утвержденья, что им жить под государевою царскою высокою рукою и государев бы им ясак платить по вся годы сполна по 10 соболей с человека.

И после, господине, приходу их служилых людей, спустя дней 10 те керсагальские люди прислали государеву ясаку с кондомскими ясашными людьми Когодеева улуса з Батаем да с Мазанком 6 соболей, 4 лисицы красные за 8 соболей, бобр красной за 5 соболей, пол бобра краснова за 2 соболя, 7 куниц в соболей место и приказывали те керсагальские люди с тем Батаем да с Мазаном: как де в реках воды сольютца, и те де керсагальские люди лутчие хотят быть в Кузнецкой острог с государевым ясаком и для шертования и прямого утверждения, чтоб впредь жить под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны, и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить де хотят по вся годы. Да как де они кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев да пятидесятник Куземка Володимеров с товарищи шли на государеву службу, изошли они служивые люди в государеве ясашной Кондомской в Кумандинской волости Мачикова улусу мужиков человек с 10 и больше, збирали де ясак на него Мачика, и государевых людей те мужики грабят и побивают, и те де Мачиковы мужики с теми служивыми людьми учили дратца, из луков стрелять, и они служилые люди тех Мачиковых мужиков 6 человек убили, а иные де ранены убежали, и кондомских де ясашных людей от них Мачиковых мужиков оборонили. Да в нынешнем же, господине, во 151-м году посылал я, господине, для государева ясаку вверх по Кондоме реке во все улусы и в волости кузнецких служивых людей Шестачка Яковлева с товарищи 20 человек, да татар 3 человека; и велено, господине, ему Шестачку Яковлеву с товарищи проведывать кондомскими ясачными людьми захребетных новых волостей накрепко, которые государева ясаку не платят, и велено ему Шестачку с товарищи тех волостей людей, которые государева ясаку не платят, призывать на государскую милость ласкою и приветом, и государева ясаку с них править; а будет тех волостей люди добром не похотят быть под государскою царскою высокою рукою и государева ясаку с себя не дадут, и ему Шестачку с товарищи велено над теми захребетных волостей людьми поиск чинить, сколько милосердный бог помощи подаст, чтоб тех захребетных волостей людей смирить и под государеву царскую высокую руку привести. И в нынешнем, господине, во 151-м году февраля в 4 день пришли те кузнецкие служилые люди Шестачко Яковлев с товарищи в Кузнецкой острог, а

мне, господине, в съезжей избе сказали: пришли де они в государеву ясашную Кузенскую волость, и Кузенские же волости ясашные люди сказали ему Шестачку Яковлеву с товарищи: не платят де государева ясаку усленские да салунские люди, а от них де кузенских ясашных людей живут те захребетные волости в двух днищах; и они де Шестачко Яковлев с товарищи послали в Усленскую да в Салунскую волость Кузенские волости ясачнова человека Оргаиха, чтоб те усленские да салунские люди пришли к государственной милости и государев бы ясак с себя принесли: и те де Усленские да Салунские волостей люди к нему Шестачку с товарищи в Кузенскую волость пришли и государев ясак с себя принесли. Да он же Шестачко Яковлев с товарищи пришли в государеву ясашную Козляшскую волость, и козляшские де ясашные люди сказали ему Шестачку с товарищи: не платят де государева ясаку захребетных волостей мундусские да тоттошские да кезегелицкие люди, а от них де от Козляшские волости те захребетные волости во шти днищах и больши; и они де Шестачко Яковлев с товарищи в те захребетные волости посылали двою трою козляшских же ясачных людей, чтоб тех захребетные волости люди пришли к государственной милости и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей принесли и впредь бы платили по вся годы против иных ясашных людей; и тех захребетных волостей люди к государственной милости не пришли и государева ясаку не прислали; и они де Шестачко Яковлев с товарищи, взяв с собою в вожи Козляшские волости ясашново человека Мельбеска, пошли в захребетные волости и, пришед в захребетные волости, захребетным людям говорили, чтоб те захребетные люди жили под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны и на государственную милость были надежны во всем, и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей платили по вся годы против иных ясашных людей по 10 соболей с человека; и тех де, господине, захребетных волостей люди ему Шестачку с товарищи отказали, к государственной милости не пошли, и под государевою царскою высокою рукою жить не похотели, и в государеве де ясаке отказали и впредь платить не хотели; и с ними де с Шестачком Яковлевым с товарищи учили бой ставить, из луков стрелять, и они де служилые люди Шестачко Яковлев с товарищи с теми мундускими и тоттошскими и с кесегецкими людьми, прося у

бога милости, учили битца и над нами промышлять; и божией милостью и государским счастьем тех государевых непослушников мундуских и тодошских и кесегецких людей на бою многих побили и иных переранили, и з бою многие раненые разбежались, а жен их и детей в полон поимали; а в языках, господине, привели Шестачко Яковлев с товарищи дву человек мундускова мужика Ябута да Тотошские волости мужика Улуспая, и те языки, приветчи в Кузнецком остроге к шерти, отпущены на старые их кочевья; а их де, господине, непослушников было 35 человек. И после, господине, его Шестачкова приходу приходил в Кузнецкий острог Мундуские волости мужик Букулу и принес государеву ясаку с тех волостей 25 соболей, 2 лисицы за 4 соболя, 15 хвостов собольих за 3 соболя, и тот Букулу в Кузнецком остроге в съезжей избе шертовал, что им тех волостей людем впредь жить под государевою царскою высокою рукою и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить по вся годы сполна против иных ясачных людей, да как де в степных реках воды сольютца, и мундуские де тотошские и кезегецкие люди придут в Кузнецкой лутчие люди з государевым ясаком и для шертования и прямого впредь утверждения, что им жить под государевою царскою рукою навеки неотступным и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить по вся годы сполна против иных ясачных людей; и тот, господине, Букул отпущен в Мундускую волость, и приказано с ним Букулою к мундуским и тотошским и кесегецким людем, чтоб тех волостей улусные люди пришли в Кузнецкой острог з государевым ясаком и для шертования и прямого утверждения, чтоб тех волостей люди жили под государевою царскою высокою рукою и государев ясак с себя и с своих улусных людей платили по вся годы сполна по 10 соболей с человека против иных ясачных людей.

Документы, опубликованные в монографии Г. П. Самаева (Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991)

Перевод с калмыцкого письма, объявленного зайсаном Павлом Тандутом, присланного от главного владельца Галдан Черина к дяде оного Тандута родному зайсангу Омбе, в котором значит:

Улан Гум — урочище, где китайцы с уранхайцами на китайской границе торг сочиняют.

Торохон — также урочище, но далее.

Модун-бар ответствует нашему лету 1743, первой месяц, т. е. наш март.

Имеются вести, что китайское и мунгальское войско на Улан Гум через Торохон пришло. Однако ж ничего не надобно презирать. Подзорщиков выслать и накрепко наблюдать надлежит. И отсюда и оттуда, ежели какие вести возимеются, непродолжительно, добрые подводы дав, присылай. Лета Модун-бар. Первого месяца, день десятый.

У оного письма Галдан Черина перстня ево секретного круглая красная печать.

Переводил протопоп Андрей Чубовской.

Перевод с калмыцкого письма, которое при доношении бригадира Крофта из Тоболска от 30 июля в Санкт-Петербург в Коллегию иностранных дел получено 26 сентября 1754 г.

Понеже жительство наше обширное, и для того об оном приказу учинить публикацию, а ты приезжай в ноябре месяце

и тогда о сысканном или о несысканном объявим. Когда от вас приезжал сюда Чодор в трех человеках и при них мунгалской толмач, то в том году ушли сюда три человека, именуемые: Иван, Андрей и Василей, из которых один поехал в Ургу*, а двоих я возвратно отпустил. Андрей еще здесь находится. Наши люди у вас имеются, а именно: Сейдюк в трех человеках, при них семь лошадей, одна пицаль и один топорок; Гунге с четырьмя кибитками, в которых тритцать душ, при них сорок четыре лошади. Да с женкою, имянуемою Баясху, на завод ушли мужеска пола три человека. Еще ж, захватя, увезли наших людей, бывших в степи для собирания кореньев, имянуемых сарана, — одну женку, одного мальчика и одну девочку. Да в деревне, состоящей вверх Хабана, находятся наши люди Татурак в пяти человеках мужеска пола и две женки.

И я, по таким обстоятельствам, посылал к вам моего посланца Гелеша с тем, чтоб от вас с ним прислан был сюда один знатной человек, дабы с ним по прежнему согласится о свободном купечестве, и чтоб нам между собою жить в добром согласии и приятстве.

Тулбара с шестью человеки убили до смерти, которых пицали отдай. Тако ж Сорсуна с двумя товарищи, при них одиннатцать лошадей, Эргеля с одним товарищем, при них две пицали и четыре лошади.

Сие письмо от Омбы дано полковнику и послано с Андреем и Васильем.

Переводил переводчик Петр Смирнов.

Переводы на российской диалект с приданных к полковнику Дегарриге от зенгорского зайсанга Омбы дву калмыцких писем, ис коих оказалось:

В первом: От зайсана Онбы. Высокопоставленному господину полковнику подал письмо, и вы здравствуйте. В нашей земле воровских лошадей не имеетца, а кто, худые люди, воровали и таковые будем отискивать и отискав отдадим, и прежде де о сыску лошадей в свои улусы, кои стояли подле

* Ставка джунгарского хана.

Иртышу, приказу отдано не было, затем что воевались с Амурсанаем. В собачьем году наш худой человек двенадцать лошадей украл на Чакрырском руднике. Таких лошадей мы отдали, а вора по своей вере наказали, а ныне, как снег стает, о сыску лошадей приказ во все места пошлю. Андрею в летнем среднем месяце мы велели быть, и ежели отищутца, отдадим.

На подлинном подписано: Онбо зайсан руку приложил. Свидетельствовал порутчик М. Волков.

Во втором: Белова царя письмо за красной печатью Кутукзайсан принял. Андреян-вахмистр, толмач Михайло, команды одиннатцать человек, от нас которые бежали два человека в Кабаньем году принесли. 25 числа приняли. Андреян-вахмистр для сыску украденных лошадей приехал, которые лошади у нас есть, мы отдадим, а до весны оставил. Онбин человек Засунакову человеку, а Засунак засвидетельствовал того человека Онбе-зайсану для отдачи лошадей, а о протчих лошадях, кои отогнаны с Иртышу, мы не знаем, а пленник сказывал, что отогнаты Амырсанаевыми чириками, а ежели у нас сыщутца, то... и от нашева владельца есть к нам листы отнюдь с российским спор не иметь, и отдавать без всяких оговорок, и жить между собою всегда в дружбе, и кои ныне у нас сысканы, те лошади для отдачи вам имеютца, а об оном удовольствии будем доносить к своему владельцу. На подлинном подписались: Кутук, Бурут, Булхун, Буктуш, Чирин, Намук, Замсун.

С калмыцких писем на русской диалект переводили и подписали дворянин Алексей Плотников, дворянин Фома Девятяровский.

[ПИСЬМО ЗАЙСАНА ОМБЫ, 1755 Г.]

Онбо зайсанг почтенный высокопоставленному господину полковнику. Здравствуя изволите, что в нашей земле краденых коней не имеетца, а ежели вора найдем, отдадим. В Собачей год, то есть прошлого лета, двенадцать лошадей мои воры покрали на Чакрырском руднике, таких мы лошадей отдали, а вора по своей вере наказали, а которые отгонены кони с Иртышу, точию в нашей земле про них и слыху нет, везде

приказы отданы для наведывания. И в тот прошедшей год воевали с Амырсанам-ноеном, который и поныне тоже время находитца. А вы приезжайте к нам весною по зеленой траве, тогда про ваших коней премая весть будет, не толико ваши лошади, кои ваши ясашные бежали, и тех всех отдадим весною.

Под подлинником подписано: Онбо зайсан руку приложил.

[ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1755 Г.]

Белова царя письмо за красной печатью Кутук-зайсанг принял. Андреян-вахмистр, толмач Михайла, команды одиннадцать человек, которые от нас бежали, февраля 25 числа приняли. Андреян-вахмистр о лошадях просил, а у нас в землице таких лошадей нету, которые отогнанные с Иртышу. Слышно от пленников, что те лошади отгонены чириками Амурсанаевыми, толко в нашей земле четыре лошади ими покрадены, не наши две лошади куплены у двоеданцев, опознанная вами куплена в землице у Онбы-зайсанга, а подъемная лошадь ими ж, канскими людьми покрадена, точию хоца не нами покрадены, то мы весною повинны отдать тех лошадей, не только ваших лошадей, но и беглых ваших ясашных отдадим. Под подлинным зайсанги подписались: Кутук, Бурут, Буктуш, Бокол, Чирин, Камык, Емзынек. Нашева хана есть и нами лист отнюдь с россискими ссоры не иметь и отдать без всяких отговорок.

Перевод с калмыцкого письма, которое при доношении сибирского губернатора... Мятлева от 6 апреля... в Коллегии иностранных дел получено 11 июня 1756 г.

Мы, алтайские зайсанги, все между собою согласясь, сие письмо к полковнику чрез Намку посылаем. Ежели бы вы с толмачем Михайлом переговора сие наше дело вскоре привели ко окончанию, то бы оно было хорошо, а ежели бы вы прислали к нам войско, и оным нас защитили и к себе взяли, то оно хорошо ж было, тако ж ежели бы вы здесь на наших местах крепость построили, то бы оно было крепко. И ныне вы, белаго царя полковник, пожалуйста, возьмите нас к себе, а к нам уже со объявлением нарочные приезжали, что мунгалы

хотят нас отсюда взять и перевести к себе, и ежели вы нам войска хотя и не дадите, однако ж ежели бы вы прислали к нам одного знатного человека, то бы и оное хорошо было. А мунгалским войском командующей владелец... Шидар ванг Амунгус как мы сами видели имеет при себе пять тысяч человек войска, потом слышали мы, что онаго войска при нем сорок тысяч, а ныне мы намерение имеем белому царю подати платить, и кроме белого царя мы иного государя не имеем.

Намки руку приложил.

[ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1756 Г.]

Сего 1756 г. летнего средняго месяца 12 дня находящиеся при Алтае улусов зайсанга Омбы сын Болот, Гендюшка, зайсанги Намук, Церин, Буктуш, Хотук, зайсанские братья Мамут и Бурут (а зайсанг Боохол по желанию своему к мунгалам отдался, токмо ево улусной знатной человек, называемой Мионгкиш), и мы, те з демичинары и с улусными знатными людьми обще тако же и впред раждающия от нас дети непременно в высочайшей всероссийской протекции при линейных быть желаем и во уверение того, что мы в неимении инаго намерения с клятвою пред бурханы за нарушение налагая неупустительное истязание в повеленных случаях и во всех должностях подданнически поступать и российским правам истинно послушным быть, а лживости никакой не чинить и потем оном прикладывая бурханом при... Дегарриге и присяги учинили в противных же поступках воля государыни, а мы в том утверждаясь и аманатов отдали. Вместо Болота, Гендюшки, Мамута, Церена, Буктуша и демичеев, знаемых улусных людей лама Лобзанг Зундуй руку приложил. Зайсанг Бурут за свои улусы руку приложил. Вместо Мамута и Мионгкиша за тех их улусных знатных людей Жаткан руку приложил.

[ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1756 Г.]

1756 года летнего средняго месяца 19 дня уранхаевы зайсанги Омбин брат а Монхогин сын Хазаги, Омбин сын Болот, теленгутов зайсанг Хотуков брат Худангулов сын Мамут, бурутов зайсанг Нохойдов сын Гендюшко по сему письму добровольно великой государыне всероссийской вступили в подданство со

всеми нашими улусы, з женами и детми в вечныя роды и по соизволению великия государыни где повелено будет тамо и селитца. Да и впред чрез российских командиров какие повелении чинитца будут, оные всемерно исполнять и во всех случаях прекословия никому не чинить и по своим обычаям россианам никаких обид и злодейств не показывать. Если же наруша сие какие противности или непорядочные поступки причинять будем, тогда великая государыня по собственным своим правам с нами и поступать соизволит. В залог онаго знатные наши зайсанги пред бурханы присягою утвердя, и подписались. Вместо Хазаги, Болота, Жолочи руку приложил, вместо Мамута Хожимберду руку приложил, вместо ево сына Гендюшки ламай Лобзанг Зундуй руку приложил. Вместо демичи Амугуга сын ево Чоночи руку приложил, вместо Монхога и всех протчих лама Лобзанг Зундуй руки приложил.

[ПРИЛОЖЕНИЕ К РАПОРТУ ДЕГАРРИГИ КРОФТУ
ОТ 27 ЯНВАРЯ 1756 Г.]

1756 году генваря 26 дня волости Таутелеуцкой ясашные татара-двоеданцы Укош Кучюгешев, Кулей Кучюгешев же, а нижеследующем объявляем: посланы мы из вышеписанной волости зайсангом Номкыем Молаевым сыном, которой к нам прислан же от собрания на реке Кайрлуке зенгорского владения тринадцати зайсангов, а имянно канской Омбо, уранхайской Бокол, телеуцкой Кутук, Буктуш, Брут, Номык, Номыкай, саянской Амзынак, телецкой Кочерен, а о протчих за необъявлением от зайсанга Номкыя неизвестны, которой пришед к нам сказал, что он послан от тех зайсангов с таковым объявлением, дабы их принять с их волостьми в подданство ея императорскаго величества для того, что по бывшей войне у зенгорского владельца с мунгалами по усильности их, мунгальцов, а по несостоянию владельца Дебачи стали бы в их мунгальском подданстве, которые точно и подвергают и обещают их за те верности учинить таковыми ж зайсангами, точию они в том их подданстве быть не желательны, а зенгорской владеец Дебачи и с подданства своего не отпускает, и для тех причин стоит мунгальского войска при старшинах Шитаранге, Чечен-ноене, Катан-Белее, на реке Чюе от Телецкого озера например верст со сто восемьдесят

тысяч. И те тринадцать зайсангов просят, чтобы для верности о принятии их в российское подданство прислать из России хотя одного человека для переговоров и взятья от них писем, а по прибытии в российское подданство где они жить пожелают о том нам от зайсанга Номыкая не объявлено. А кроме вышеписанного за необъявлением от зайсанга Номыкая и за скорым нас отправлением объявить за закрытием мунгальцами всех дорог, и что они к тому не допускают, ничего не имеем. В чем под подлинной по своей вере и подписались.

При переводе был за толмача драгун Михайла Давыдов, в чем под подлинной и подписался вместо драгуна Михайлы Давыдова прозьбою ево подписал писарь Дмитрей Вязмин.

Перевод с калмыцкого на русской диалект, в коем писано тако:

Зенгорского владения зайсанг Номкы объявляю: в прежнем писме нашем показанные двенатцать зайсангов, кои по общему согласию послали меня зайсана Номкы к главным российским командирам затем что все мы, двенатцать зайсангов, желаем быть в подданстве у ея императорскаго величества и платить есак какой положен будет. А как в подданстве будем, желаем жить на прежних своих местах или где будет повелено. А как во время нужды востребуецца от двенадцати зайсангов имеем дать войска летом до двух тысяч, а зимою по тысяче без всех отговорок того ж времени как верным рабом надлежит. А всех юрт у двенадцати зайсангов например же полтары тысящи или более.

Переведено чрез казака Василья Калачикова февраля 16 дня 1756 году.

Перевод с калмыцкого на российский диалект в коем писано тако:

Зайсаны Омбо, Кулчугай, Кутук, Наамкы, Боохол, Черен, Буктуш, Буурут, Намык, Наамжил, Емзынак, Сайдут, итого двенатцать, все к белому государю в подданство мы все с юртами и во всем нам способствовать.

Переводил казак Василей Калачиков чрез слова зайсана Номкы.

Перевод с калмыцких писем зенгорских зайсангов Омбы с товарищи, которые при репорте сибирскаго губернатора генерала-лейтенанта Мятлева от 9 марта в Санкт-Петербурге в Коллегии иностранных дел получены 18 апреля 1756 года.

С 1-го:

Мы, зайсанги, имянуемые Омбу, Гулзуйхай, Хутук, Намки, Боохол, Церин, Буктуш, Бурут, Намук, Намджил и Замсунак со всеми нашими людьми желаем быть в подданстве белаго царя, токмо ныне нас отсюда хотят взять и перевести в другое место, и для того просим вскоре нас от того защитить.

С 2-го:

Наперед сего мы бывшие владения Галдан Череня двенадцать зайсангов пред сим посылали к вам с известным нашим писмом зайсанга Намку тако ж и ныне мы двенадцать зайсангов со всеми нашими улусными людьми желаем быть в подданстве белаго царя и с подвластных нам улусных наших людей будем платить ясак какой по соизволению белаго царя определен будет. И ежели белой царь когда в потребном случае нам двенадцати зайсангам соизволит повелеть на наш зенгорской народ или куда в другое место нарядить в поход войско, то мы онаго войска в зимнее время по тысяче, а в летнее время по две тысячи человек немедленно будем отправлять. А мы намерение имеющие быть в подданстве белаго царя двенадцать зайсангов состоим в тысяче пятистах кибиток людей или может быть более или малым чем меньше. И тако мы, двенадцать зайсангов послали с сим Намку и руки приложили.

Переводил переводчик Петр Смирнов.

1765 году июля 16... выбегший х крепости Усть-Каменогорской... сверху ис камню азиан... объявил:

Зовут ево Темир Сологоев... дватцать три года, родом теленгут, был ведения зенгорского зайсана у Мекеа Байгорохова, и пошло де их от озера Тескула киргизов и теленгутов со всем своим животом и багажем в подданство ея... величества человек... ста з два, точию напал на них китаиц... и мужеск

пол весь побили, а у них... всего больших и малых мужеска полу человек до десяти да женска до десяти ж тайным образом бежали от того места, где баталия была и шли сюда дней с пятнадцать, а от озера Тескула месяца с три... чрез Иртыш они переправились на зделанных ими четырех баях и по переправе он нынешней день с утра... тайно ушел сюда... а... товарищи ево остались у того перевозу... точию за усталю лошадей и что ноги отбили...

[ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1756 Г.]

1756 года летнего средняго месяца 24 дня кочующия по черной речке Оилину теленгутову зайсанги Намук, Церин, Буктуш, Бурут, а вместо Боохола старшина Мионгош все з женами и детми и со всеми улусными людми, с малыми и большими, прикочевали в подданство всероссийской государыне в вечные роды непременно. И где нам повелено будет селение иметь, по тому указу должны поступить и противу россиян никаких злых поступок, воровства и грабительства не чинить, в том и пред бурханы присягали, если пред в нарушение что учиним, то по воли и правом великия государыни наказание подвергаемся. И во уверение того мы, зайсанги и демичинары, сынов своих во аманаты отдали, а имянно: Биокутешева сына Тегедека, Мохиина сына Бюдюрошка, Бурутова сына Элзюя, Токтонгошева брата Тохос-Аяка, Церенева сына Хурима, да Ижиягаева сына Адулука, Намугаева сына Бирю, зайсанга Мионугкиша шуленге Табунаева сына Кидесека. К сему писму мы зайсанги, демичинары, все знатные и подлые обще подписуемся, вместо ж зайсанга Намуки Дюрбют руку приложил, вместо зайсанга Бюктюша брат ево Диорбют руку приложил. Зайсан Бурут руку приложил. Вместо Мионгкоша Арзу руку приложил.

[ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1756 Г.]

Алтайския зайсаны советовали в разговорах, полковнику с Намкы писмо послано. Михайло-толмач пожалуй донеси полковнику, чтобы дал нам людей на обережение, пожалуй не задержай нас по своему разсуждению. Буде пожалуйешь доброе твое разсуждение, сколько нам пожалуйешь на обереж от злого время в нашей земле, где вам поглянетца стройте

города и постройте, то нам надежду иметь будем, ныне наш белой государь. Нашего белого государя полковник, пожалуй поскорее, со всеми домами хотят увести. Мы для того и нам приказ отдали, тово мы опасны буде нам войсков, а и не пожалуешь, то изволи сие в мунгалское войско послать посла. Мунгалскова войска главной старшина ноен Шидарван, другой Намгус-ноен. Я в их войске был, и их войска всего пять тысящ, а наслыхом слышал, сорок тысящ. А теперь мы желаем белому государю дань платить до смерти своей всего как тысяча пятьсот дымов. Опричь у нас белого государя владельца нету. По своей вере Намкы зайсан знамя приклонил... он же... по своей вере руку приложил.

Журнал начатой о происхождении разговоров и о склонении пришедших в высочайшую ея императорского величества протекцию зенгорского владения уранхайских калмык 1756 года августа 23-го дня

В Бийской крепости в квартире господина полковника Дегарриги зайсанг Наугат и поп* Биоктергеин Габунг гелюнг со общаго согласия, призвав теленгуцких зайсангов и демичеев, в силу высочайшаго ея императорскаго величества повелительнаго указа, зайсанг Наугат объявил следующее: 1-е, что они зайсанг и поп по высочайшему ея императорскаго величества присланному и наместнику ханства Дондук Даше повелительному указу ис того торгоуцкаго верноподданного калмыцкого народа повелено послать знатных зайсанга и попа с таковым обстоятельством, что вы, зенгорские зайсанги, уже немалое время здешних сибирских пограничных командиров утруждая, просите, чтоб вас ея императорское величество, наша всемилостивейшая государыня соизволила приказать принять в высочайшую свою протекцию с таким основанием, что вы положенной на вас ясак платить и в повеленные походы, как в летнее так и в зимнее время, без отрицания куда б потребно нибыло выступать и в самых действиях обращаться будете. И по нынешнему зенгорского народа внутреннему смятению, а паче и от мунгальской стороны и от наступательнаго сильнаго войска крайнему раззорению подвержены б не

* Лама

были, почему нам яко и с вами однозаконным и верноподданным торгоутовским калмыкам соизволила повелеть учинить призыв в соединение кочевать на реку Волгу. Где с вас не токмо ясак или подати требовать, но и пришедших с вами улусных калмык не отбирая, равным образом, как и мы, торгоутовской народ, находимся, со всяким покоем содержаны быть имеете. И для того мы оба сюда, к здешнему пограничному главному командиру и присланы.

На оное те зайсанги Бурут с товарищи объявили следующее: 1-е, что они, зайсанги, хотя здешних пограничных командиров и просили о исходатайствовании принятия в высочайшую ея императорскаго величества протекцию с тем основанием, чтоб они от природных своих кочевых мест, от горы Алтая, отлучены не были, а положенной на них ясак платить и в походах служить готовы, потому уже и детей своих в аманаты отдали. А в соединение с торгоуцким народом кочевать желания не имеем, затем, что оная река Волга отсюда весма в далном расстоянии отстоит. И потому же по худобе, а другим и за совершенным неимением лошадей и скота, ни коим образом кочевать и соединится невозможно. Разве де точным ея императорскаго величества указом повелено, то исполнять будем, а их собственного желания и склонности к тому не имееется.

С тем оныя зайсанг и поп возвратились в свои квартиры.

В 25 день зайсанг Наугат и поп Габунг-гелюнг с согласия з господином полковником Дегарригою, и призвав теленгуцких зайсангов Бурута, Буктуша и Церена с товарищи, и паки объявлял им, что они по высочайшему ея императорскаго величества соизволению, от наместника ханства Дондук Даши присланы для принятия по желанию и прозбе вашей в вечное ея императорскаго величества подданство. И для общаго бытия в соединение с торгоутовским калмыцким верноподданным народом препроводить на Волгу. А что же вы объявляете, яко от природных ваших мест, то есть от горы Алтая, отлучится не можете, и оное ваше представление весма не согласуется с вашими учиненными присяги и отправленными к сибирскому губернатору письма, потому что вы, теленгутские и уранхайские зайсанги, старшины со всеми улусными вашими людьми, обещали вечные роды непременно быть и исполнять волю ея императорскаго величества, нашей всемилостивейшей госуда-

рыни. И где высочайшим указом быть повелено будет, в том ни малейшаго отрицания не чинить. И для непоколебимого в том утверждения и аманаты вами самими без всякаго господином полковником требования в здешнюю крепость привезены, которые и содержатся на высочайшем ея императорскаго величества, нашей всемилостивейшей государыни интересном коште. И затем вы оное высочайшее соизволение и чрез нас присланное объявление без препятствия принять и действительно исполнить должны.

И на оное вышенаписанные зайсанги объявили, что они высочайшее ея императорскаго величества соизволение исполнить не отрицаются. Однако то подлинно ль высочайшим ея императорскаго величества всероссийской государыни указом повелено, о том они зайсанги имеют сумнение.

С тем оные зайсанги и возвратились.

После же того, пришед к господину полковнику Дегарриге, и спрашивали ево, что называемой зайсанг и поп с товарищи откуда, и зачем сюда приехали, или от кого присланы, которые де нам, зайсангом, объявляют, чтоб мы со всеми нашими улусными людьми согласясь, покочевали б в соединение к верноподданым ея императорскаго величества торгоутовским калмыцким народом на реку Волгу. Токмо де ныне наступает зимнее время, дабы мы от оставшаго у нас скота и вовсе за упатком раззорение претерпевать не могли, и для б того их, зайсангов, отпустить на прежние их безснежные кочевные места.

И на оное господин полковник им, теленгутцким зайсангом, объявил следующее, что оные зайсанг Ноугат и поп Биоктергеин Габунг-гелюнг, при них з десятью человеки сюда присланы подлинно по высочайшему ея императорскаго величества соизволению. И находящагося на реке Волге верноподданного торгоутовского калмыцкого народа знатной зайсанг, а другой по закону вашему точной поп, о которых, что немедленно сюда присланы будут, ея императорскаго величества указ уже ко мне давно прислан. Однако я вам и прежде при собрании всех ваших зайсангов и старшин в некоторых словах объявлял, что вам всемеро с верноподданным торгоутовским калмыцким народом для вашей общей пользы сообщитца должно. Где вы без всякой подати с покоем останетесь таким же образом, как и те верноподданные калмыки содержатца. Да и в тамошних местах всякаго

зверя бывает довольно, и никакого к вам отягощения не будет, и улусные ваши люди неотъемлемо при вас в вечные ж роды по наследствам останутца. Чему без всякаго сумнения зайсанга и попа объявлением верить надлежит, ибо то чинитца не для каких других, но едино только для вашего вечного покоя. Дабы вы таковых разореней более уже иметь не могли. А до сего от вас вопроса более не объявлял, затем что вы, зайсанги, сами собою просили здесь в пограничных местах командиров, тако ж и меня, чтоб об вас ея императорскому величеству, нашей всемилостивейшей, всероссийской государыне донести, чтоб вы, зенгорские двенадцать зайсангов, в нынешнее зенгорское внутреннее смятение, а паче пот мунгальского наступательного войска чинимаго раззорения, приняты б были в высочайшую ея императорскаго величества протекцию. И аманатов без всякой прозбы сюда ко мне отдали. К тому ж и присягаю утвердили, что вы, зайсанги, в вечные роды положенной на вас ясак давать, и в повеленные походы непрестанно и действительно выступать, и в действиях обращатся будите. При том же, где б вам зайсангом селится и жить повелено будет, от того высочайшаго ея императорскаго величества соизволения не отречетесь, как то и писмами, подданными прежде ко мне на вашем диалекте, сами вы обязались. А ныне и подлинно вам повелевается, чтоб вы тех знатных зайсанга и попа, по силе ея императорскаго величества указу, объявлению, оное высочайшее соизволение за подлинно принять. И то исполнить должно, которое ея императорскаго величества высочайшему соизволению колико благоугодно, а вашей собственной прозбе и учиненной присяге наипаче сходственне быть имеет. К тому ж вы ныне в приходящее зимнее время елико возможно по высочайшему ея императорскаго величества соизволению без всякой скудности, но со всяким довольствием в показанных от меня местах с улусными людьми и со всем скотом содержаны будете.

В 26 день господин полковник Дегаррига, зайсанг Наугат и поп Габунг-гелюнг общим консилиумом согласились, чтоб теленгуцких зайсангов всевозможным образом склонять в соединение с верноподданным торгоуцким калмыцким народом, которые напред сего пред недавним временем вступили в подданство китайское, и за то получа с перьями и каменьями убранные шапки и протчее награждение, а потом не хотя

отлучится от здешних мест горы Алтая, и по усиленным их прозбам, приняты в высочайшее ея императорскаго величества подданство. А ныне по объявлением зайсанга, попа, тако ж и господина полковника, по высочайшей власти к соединению с торгоуцким народом не токмо согласовать, но видно желают остаться в прежних своих жилищах, которое всемерно не может с высочайшим ея императорскаго величества указом сходно быть. Да и впредь, естли они останутся в здешних местах, то по ветренностям своих, немалое затруднение, а паче того в пограничном месте, высокому интересу какого б ущерба не причинили. Того для объявить им, что для возможнаго зенгорских подвластных людей разорения и искоренения присланное китайское войско, им, уранхайцам и теленгутам, учинили нападение. И от которого они, зайсанги, с улусными людьми приходом своим в защищение российской протекции спаслись. И данными аманаты тако ж и учиненными присяги себя утвердили, чтоб им по высочайшей ея императорскаго величества воли где б быть повелено ни было, оное без всякаго прекословия исполнять должны. А ныне по лехкомыслию своему от того и отрицаются. Однако ж скорейшаго их с кочующих мест движения и внутрь границ перехода, объявить им некоторое носимое эхо, якобы мунгальское войско паки по их зенгорским жилищам вперед до указу китайскаго богдохана расположится имеет. И кто б того владения ни был, всех искоренят, а паче и в Россию принятых уранхайцов и теленгут обратно, отдачею требовать намерены. И чрез то побудить, чтоб они для безопасности всемерно перешли чрез реку Катуню внутрь границ со всеми их людьми, где они без всякой опасности останутся. Егда же они, тому поверя, учинят переход, то их в зимнее время обратно не перепущать, оставить при крепостях токмо по невозможному в зимнее время их, яко разореной люд. Самим и скоту их на довольствие определить правианта и сена, которое высочайшему ея императорскаго величества интересу, не токмо ущербом оказаться но чрез оное великое приращение быть может. И для того, по переходе внутрь линии, разделить их по крепостям, объявля, что они в одном месте правиантом и сеном довольствоваться не могут, и для лутчаго их содержания по крепостям з довольствием велено содержать. А когда по крепостям расположатца, то имеющееся у них оружие, пристойным образом отобрав, привести в крайнее безсилие. И тако препровождать от станца до

до станца за конвоем по всем линиям к реке Волге в соединение с торгоуцким народом, дабы одни о другом сведомы не были, как таковое безсилие и напред сего ушедшему из России торгоуцкому владельцу Санджипу от зенгорцов учинено было.

В 27 день господин полковник, поп Гелюнг и зайсанг обще паки согласились, что они хотя вчерашняго числа и определили теленгуцким зайсангом объявить о мунгальском войске носимое эхо, яко они имеют расположитца в их зенгорских жилищах, и чрез то побудить их переходом внутрь линии, где б всех их усмотреть и исчислить можно, однако оне словесному объявлению никоим образом не поверят. Того для сочинить письмо и, написав по-мунгальски, яко оное прислано от мунгальского и китайского в восьмидесять тысячах находящагося войска главного командира, что он, по воли и власти китайского богдохана, для изкоренения зенгорской землицы послан, которых получа и партии равослал, чтоб и протчих подвластных людей искоренять. Потому что они сами собою вступили под власть его богдоханского величества и получили в награждение шапки с перьями и разными каменьями, а потом и паки отреклись. И ис тех некоторые и во всероссийское подданство приняты. Хотя де они и требованы, однако отдачи не учинено, а токмо ответствовано письмом, что они выданы не будут, потому оной главной китайского войска командир яко вознамерилса ийти в киргис-кайсацкую орду для сыску и поимки владельца Амурсанана, которой де в бегах тамо находится, но получил от богдоханского величества указ, чтоб он всемерно зенгорскую землицу очистил. И ушедших в рооссийскую протекцию людей, которья зенгорского владения, обратною отдачею требовал. А войско все расположил по всем зенгорским жилищам, и впредь до указу находился. А оное письмо яко с мунгалы в Шулбинской завод получено. А оттуда будто чрез нарочного куриера прислано того ради, отослать в Катунскую крепость, чтоб по приближении к Бийской крепости, весьма скоро, а к тому и с колоколцом, часу в восьмом по полуночи, приехал, когда те зайсанги без сомнения поверить могут.

В 28 день реченное письмо написав, по отослании ис Катунской крепости, яко с немалою надобностию куриер

получен. И тогда теленгуцкия зайсанги того прибежавшаго куриера видели, однако господином полковником призваны, и оное зайсанг Наугат вслух читал. И видя оное, зайсанги, мунгальское письмо, без сумнения, господина полковника, попа гелюнга и зайсанга обще троих просили, чтоб повелел им в защищении от того неприятеля приблизится к крепости Бийской к самому берегу Бии, а они и вдали рассеянных и в реэстр не объявленных людей кибиток по дватцати, по тритцати и более в закрытых местах имеют, которых по оной опасности надлежит собрать. И где быть господин полковник з гелюнгом и зайсангом обще место назначат, туда перетьти и зимовать должны.

Того же числа из калмыцкого кошу, которой находится между рек Бии и Катуня, зайсанга Кутука брат Мамут приехав, господину полковнику объявил, что он ис кошей своих прибыл нарочно для некоторого объявления от находящагося де к мунгальской стороне желающего теленгуцкого ж зайсанга Бохола. Которой разглашает, яко мунгальского войска старшина Шадарванг с ымеющимся де при нем войском следует к Телецкому озеру для собрания оставших зенгорцев. Почему де мы весьма опасны, дабы от него таковым же образом как то и пред сим мунгальское войско, приведя нападение, учинил, и чрез то крайнему раззорению подвергнул. А улусные люди от кошей своих немало распространились, да и зайсанга Церена шюленге Еркедек к Телецкому озеру покочевал, которого точно видел племянник мой родной, а зайсанга Кутука сын. Егда ж я для сего объявления поехал сюда, то мимоездом в кошу Цереновом сказал, чего ради они собою шюленгу отпустили кочевьем на Телецкое озеро. И за то они моего племянника били, что едва жива отослав в собственные коши, а сам сюда приехал.

В 29 день, по объявлению онаго письма, теленгуцкие зайсанги и демечи, пришед в размышление, просили господина полковника, чтоб он приказал им ехать и разнонаходящихся улусных калмык собрав, переправится чрез реку Катуню в близость российских крепостей для убежища от неприятеля, и показать кормные скоту места.

И потому господин полковник приказал из них зайсангом Цереню и Намукю остатся в крепости, а протчие б все ехали. И всевозможно убегая об неприятеля, собрав все свои улусы,

прикочевали б к переправе на реке Катуне, где им для переправы и суда даны будут. И для того послал с ними афишера и толмача с командою, и о поступании в пристойной силе дал и инструкцию, и всех их укрывающих людей всячески определил сыскивать, и к протчим в калмыцкой кош соединить.

В 30 день уранхайской зайсанг Онбо с протчими своего ведомства людьми, коей от других особо на Колыванской линии кочует, на объявление от зайсанга и по па высочайшаго ея императорскаго величества соизволения, чтоб он соединился с торгоуцким верноподданным калмыцким народом без всякаго отрицания, объявил, что он волю ея императорскаго величества исполнить готов, а паче и соединением иметь желает, токмо де оное подлинно ль учинить то велено. И для онаго уверения и письмо на калмыцком диалекте подал. А между тем ему якоб присланное в мунгальском войске от главнейшаго командира письмо чрез зайсанга Ноугата читано.

В 31 день господин полковник зайсанг Наугат и поп Биоктергеин Габунг-гелюнг обще согласились взятые от урангайских и теленгуцких зайсангов калмыцкие письма во оригинал к тому ж и по требованием их, по нынешнему от мунгальского войска крайнему раззорению, в зимнее время как им самим, так и скоту их, хотя малое пропитание давать. Однако ж для лутчаго с требованием резолюции его высокопревосходительству господину генералу-лейтенанту ковалеру и сибирскому губернатору Василию Алексеевичю Мятлеву заблаговременно представить, а буде того дачею производить будет не повелено, а таком случае и подлинно б оные уранхайцы и теленгуты и скот их в зимнее время от гладу не померли, и от того б яко вновь пришедшие и в высокую ея императорскаго величества протекцию принятые люди худаго нареkania не приключили, и оное мнение за подписками их с нарочным отправить.

Перевод с письма калмыцкаго, поданного от теленгуцких зайсангов... Дегарриге 28 августа 1756 г.

Господину полковнику и пограничному командиру Дегарриге теленгуцкие зайсанги письмо вручаем.

Пред сим временем вступили мы в подданство ея императорскаго величества великия государыни и аманатов отдали,

а где б нам быть повелено ни было, от того не отрицаются, о чем и присягами утвердили, и ныне в том непременно состоим. По полученным же ныне китайским известиям для видимой опасности в предосторожность полковником, гелюнгом и зайсангом, обще троими, в показанное место перешед, зимовать будем. Токмо по разорению нас от неприятеля и по недостатку нашему в зимнее время в пропитание людей и скота просим определить довольствовать нас мукою, а скот сеном. На подлинном письме вместо зайсангов же Церена и Буктуша, Намука, Хутуха и демичея Бунцука шуленге Дербют руку приложил, да вместо уранхайского зайсанга Киокшина он же Дербют подписался, а зайсанг Бурут сам руку приложил.

Перевод с письма калмыцкого поданного от уранхайского зайсанга Онбы зайсангу Наугату Габунг-гелюнгу 30-го августа 1756 г.

От гор Алтайских в подданство ея императорскаго величества великия государыни прикочевали, а ныне высочайшим ея императорскаго величества соизволением присланные гелюнг и зайсанг, а притом и господин полковник, обще трое объявили: желяю ли я кочевать в соединение к торгоуцкому калмыцкому народу, почему я собою того учинить не могу, токмо где мне быть повелено будут, оное исполнять должен, однако, за разграблением от неприятеля, в нынешнее наступающее зимнее время в необыкновенных местах находимся, как нас самих, так и скот наш бедное и худое пропитание имеем того ради просим для содержания людей привианта, а скоту сена приказать чинить дачу. К подлинному письму зайсанг Онбо, демичеи Самур, Мангуй, Буланжи, Ашикту, Алтай, братцкой* зайсанг Аширмет, демечи Мендеку, а вместо их писал и руку приложил калмык Гюрю.

[РАСПИСКА АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1766 Г.]

1766 г. декабря 24... таутелеуцких пяти дючин зайсанги Ередей Мочаков, Кутук Кутуйгулин, Еренцей Менков, Битюка Куранаев, Намкы Малаев и все тех пяти дючин лутчие люди

*Бурутский

приняли от зборщика камисара... Василья Соколова за платеж в казну ясака в награждение... вина простаго три ведра сполна. В чем под сим и подписались и... знаки приложили.

[РАСПИСКА АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ, 1767 Г.]

1767 г. декабря 16... таутелеуцких пяти дючин зайсанги Кутук Кутайгулин, Намки Малаев, Иренчей Менкин, Ирелдей Мочаков, Битюка Куранаев приняли от дворянина Ивана Куртукова присланные ис Кузнецкой воеводской канцелярии в награждение за исправной платеж в казну ясака вина простаго три ведра. В том ему... и росписку дали.

Документы из госархивов России

РЕСКРИПТ

к действительному тайному советнику Неплюеву

В нашу Коллегию иностранных дел доносили вы от 10 июля по репорту к вам обретающагося в Сибири при воинской команде бригадира Крофта о полученном чрез посланного в крайние зенгорские улусы вахмистра Беседнаго известии о зенгорских обстоятельствах состоящих в том, что один из зенгорских ноенов, называемой Амурсанань, от междоусобия с зенгорским владельцем Дебачею в китайское государство предался. От чего зенгорские калмыки сколько прежде сего от захвату ево, Амурсананя, с собою людей и скота и от набегов и нападения киргис-касака беспокойство и разорение претерпевали, толь наипаче вновь от него, Амурсананя, в опасности состоят, потому что он де близ китайской границы и неподалеку от их жилища с мунгальским войском находится. И паки скот их отгоняет, а с другой стороны уже и на их границу подступил черной китай Тан с силою к озеру Тусь и к зайсангу Омбе присылал пять человек людей, чтоб они ему, Амурсаняню, без всякаго сражения землю опростали, с угрозами. На что он, Омбо, тем посланцам между прочим и сие упоминал, что они в таком

случае в крайние российские горады уйтить могут. Но они, посланцы, и з российской, от реки Оби заводской стороны, достигнуть их похвалялись. От него же, Амурсананя, командующий имянем Чегень с войском по Иртышской вершине пошел. А сам он, Амурсанань, с войском же на Ковде реке остался. И не только на них, зенгорцов, нападать, но якобы, как он же, Омбо, сказывал, и российских ясашных татар к себе приклонить хочет. Чего ради он, Омбо, у него, Беседнова, и спрашивал, можно ли им во время их невозможности для своего спасения в российскую сторону уклониться.

А бригадир Крофт на представление к нему полковника Дегариги, командующаго на Кузнецкой и Кольванской линиях, с требованием наставления по сему делу, определил по прикочевании их, зенгорцов, в близость границы к фарпостам отнюдь не допускать, и крайне стараться их отвращать, имея крепкую на границах предосторожность.

А хотя, по мнению вашему, их, зенгорских калмыков, в таком случае, ежели они от междоусобия владельцев их и Амурсанаева, чрез его китайскому хану подвержение, усильство, в тамошние российские крепости принуждены будут прибегнуть, принять и куда бы за благо признано было, перепроводить для приобретения людства их и для переду с тем народом было бы не бесполезно. Но понеже в тамошних в верхиртышских и протчих и протчих по линии крепостях команды столь малолюдны, что ин де в случае воровских и неприятельских нападений не только над ними поиску учинить не в состоянии, но едва и себя охранить могут ли. Того ради ежели он, Амурсанань, по множеству людства своего в самые те места, куда они прибегут, погоню за ними чинить вознамерится, то его от тех жилищ и крепостей отвратить, ни же и самих тех, кои бы под защищение пришли, обнять и куда надлежит перепроводить некем. К тому ж когда такие его Амурсананя против их, зенгорцов, усильства происходят чрез протекцию китайскаго государства, то не будет ли и с китайцами несходства в них зенгорцов вступятся и для того все сие яко новое и не малое дело предали вы на здешнее разсуждение. О чем и бригадир Крофт сюда от 31 мая доносил, а потом получен от него здесь от 11 июля и еще другой репорт, из котораго усмотрено, по сообщению, к нему от селенгинскаго коменданта бригадира Якобия, о собрании

в китайской стороне мунгальскаго войска и о походе онаго на зенгорцов, о чем в равной силе и сам он, бригадир Якобий, от 2 апреля тако ж де и сибирской губернатор генерал-лейтенант Мятлев от 10 июля в нашу Коллегию иностранных дел доносили ж.

А на последи из присланной от вас сюда при доношении вашем от 27 сентября с доезда копии, посланнаго от вас в Среднюю киргис-касацкую орду к Аблай солтану толмача Арапова значится, что бывшей пред сим зенгорской владелец Дебача вышеозначенным нойоном Амурсананем захвачен и отдан в китайскую сторону. А вместо его китайцы во владении зенгорском простираются утвердить племянника его, онаго Амурсананя, или же он в том уже и утвержден.

И на сие вам в резолюцию объявляется: 1-е, сколько здесь поныне известно, что бывшей зенгорской владелец Дебачи точно из той фамилии происходит, из которой и все прежние главные зенгорские владельцы были. И к наследию был ближе против их рода владельцев, и потому, по изведении им бывшего пред ним владельца Эрдени Ламы Батур хонтайджи, особливаго в том и затруднения быть не могло, чтоб он яко настоящей по их калмыцким обычаям наследник во владении зенгорском от болшей части народа в том признан был. А напротиву того, что касается до зенгорскаго нойона Амурсананя, который ныне в место онаго Дебачи в том владении с китайскою помощью утвердиться ищет, то здесь подлиннаго известия нет, которой он фамилии, главной или другой какой. И буде он главной же и точно той, из которой до ныне настоящие зенгорские владельцы были, в таком случае равным образом и ему так, как Дебаче, а особливо когда сей уже отлучен и в китайских руках находится, и следовательно препятствовать ему не в состоянии, при помощи китайской в зенгорском владении утвердиться будет нетрудно. Но при таковых обстоятельствах нечаательно, чтоб зенгорские зайсанги какую-либо причину уже и имели в здешних границах убежища искать, раз из нойонов такие, которые к той же наследственной фамилии принадлежат. Ежели оные еще в живых, а поныне не изведены, могут от него, Амурсананя к здешним границам удалиться. Но ежели он, Амурсанан, как поныне здесь о нем мнится, другаго рода, а не того, из котораго главные зенгорские владельцы были, то хотя он

и имеет подкрепление от китайцев, но со всем тем в разсуждении того, что как у зенгорцев, так и у волских калмык, издревле такое обыкновение, что главные их владельцы бывають из одной фамилии. И пока из той фамилии есть нойон, другие роды к владению не допускаются. Ему, Амырсананю, настоящим зенгорским владельцем учиниться, и в том от всего народа признану быть, а паче в таком случае, ежели еще есть настоящие наследники, подлежит великим трудностям. Разве он всю ту фамилию, которой такое наследство принадлежит, изведет. Но и тогда скоро зенгорской народ успокоиться не может, ибо и другие равномерные ему владельцы без сумнения не преминут того ж начальства искать, стараясь сие право каждой своей фамилии присвоить. Причем легко уже статься может, что не только некоторые, но и многие из них, зенгорцев, во время такого их беспокойства к здешним границам для убежища приближаться станут, или для лутчей безопасности покушатся будут и за здешние крепости пройти.

2-е. Но понеже со здешной стороны никакого резона или пользы нет, в их междуусобные ссоры вступатся, и одного против другаго оборонять, то определенное бригадиром Крофтом недопущение их в близость к здешним крепостям, ежели оное толко в действо произведено быть могло бы, и здесь апробуется. Однако же, ежели бы кто из зенгорских ноенов или зайсангов к здешним границам приблизился с прошением о принятии их совершенно в нашу протекцию, то при нынешнем в зенгорском народе беспокойстве и междуусобии, и что следственно, едва ли и претендовать того было ли бы кому, сим случаем пользоваться надлежало б. Только то при том разсуждению подлежит, что вы представляете коим образом по малолюдству в тамошних крепостях, в случае за ними погони, хотя оной по нынешнему зенгорскому состоянию и нечаятельно, защититься и куда надлежит перепроводить их будет некем. И для того в разсуждении сего иного на такой случай наставления и отсюда предписать невозможно, кроме сего что ежели по нынешнему от вас определенному расположению на тамошних сибирских линиях выписных в Кузнецку, в Томску и в протчих тамошних местах из крестьян, казаков, о чем в нашу Коллегию иностранных дел от 12 сентября доносили, с тем что оных до пяти тысяч наберется, можно надеяться, неприятельскому

нападению и погоне за ними отпор учинить, то б таковых приходящих к здешним границам зенгорцов с прошением о здешней протекции можно б было и принимать и препровождать их за конвоем за Иркутск в братские или на Волгу в торгоутские калмыки, куда похотят. А для лутчей предосторожности чтоб в таком их проходе каких-либо от них пакостей не произошло, оставлять в которой-либо из тамошних крепостей пока они до назначенного места придут, аманатов из их лутчих людей. А каким образом таковых зенгорцов в волских калмыках содержать, о том находящийся при наместнике ханства полковник Спицын указ из нашей Коллегии иностранных дел от 22 ноября 1753 года имеет. А ежели бы они в братские калмыки по их желанию препровождены были, то каким образом тамо за ними надлежащей присмотр иметь, оное больше от тамошняго распоряжения зависеть будет. Ежели же за такой прием с зенгорской или китайской стороны произойдет претензия, и на то зенгорцам ответствовать, что они приняты в здешнюю сторону в разсуждении того, понеже в 1701-ом году при сыне Аюки хана Санжипе из здешняго подданнаго торгоутскаго народа в зенгорской народ приняты здешние нойоны Данжин, Сюнкеев сын, и его сыновья Аю, Малай и Араптан да его ж Данжиновы племянники Даднагара и Дарма с дватцатью тысячами кибиток улусных калмык, и для того в том взаимным образом и поступлено, а особливо еще в такое время, когда зенгорской народ не имел настоящаго владельца. А китайцам можно такой ответ учинить, что зенгорской народ им не поданной, и как им в нынешнем над ними, зенгорцами, военных поисков со здешной стороны не препятствуется, так и им, китайцам, равным образом в то, что некоторые из зенгорцов приниманы будут в здешнюю сторону вступаться не должно. Толь наипаче, что бывшей здесь у российского императорскаго двора в 1731-ом году китайской посол Асхани Амба Тоши с товарищи по указу своего богдохана по случаю их китайской, бывшей тогда с зенгорцами ж войны имянно и такое представление чинить, что ежели которые зенгорские улусы от наступления их китайских войск будут уходить в Россию, то б оных принимать, обещая притом и из зенгорских земель которые бы потребны были в здешнюю ж сторону уступить. Однако же на такой прием зенгорцов в здешнюю сторону, как и выше написано, поступить в таком

только случае, ежели находящимися на тамошних сибирских линиях военными людьми не только их до надлежащего места препроводить, но и в случае за ними погони, отпор учинить будет можно. А инако на то и не поступать, дабы ис того по тамошнему малолюдству какого-либо предосуждения последовать не могло. А стараться токмо о том, сколько возможно и без драки, чтоб ретирующиеся зенгорцы к здешним границам за линии проходить не могли, а оставались бы на степной стороне оных линей.

3-е. Что же касается до ясашных татар-двоеданцов, которых якобы вышеупомянутой зенгорской нойон Амурсанань к себе приклонить хочет, то в случае оных их захвата надлежит поступить по... указам к сибирскому губернатору Мятлеву и к бригадиру Крофту от 13 апреля... 1755 г.

Даны в Санкт-Петербурге 13 ноября 1755 г.
Подлинной подписал граф Михайла Воронцов (Архив внешней политики России, ф. 113, оп. 113/1, д. 4, 1755—1757 г., л. 33—40)

В государственную коллегия иностранных дел действительнаго тайного советника и Оренбургской губернии губарнатора Неплюева

Доношение

11 числа сего марта от генерала-лейтенанта и сибирского губернатора Мятлева получил я писма, ис которых в одном, от 29 минувшаго февраля, с коим он нарочного ко мне прислал, значит, что прежде пожелавшей ея императорскаго величества протекции зюнгорцы тринатцать зайсангов и с их волостьми не токмо того желания не отменили, но и вновь собравшись все вместе чрез присланных в Бикатунскую крепость дву татар-двоеданцов, а сверх того канской зайсанг Омбо и особливо от себя чрез сына своего, прозбу свою о принятии во оную возобновили. Причем оной Омбо изъясняя, что за долговременным невзятьем их в Россию из области ево многие уже и в Мунгальскую землю взяты, однако де затем с ним, Омбою, бухарцев и уранхайцов еще человек до тысячи или более одних боевых людей останется, для того паки ея императорское величество просит о принятии ево и с теми людьми как на-

искоряе. А ежели о том указу еще не получено, то б их хотя вблизи к российским крепостям по способности на Иню и Белую реки для охранения от мунгальцов пропустить. Ежели же де сие ево прошение не вероятно, то и аманатов дает, и приводу к курану требует. И хотя потому он, генерал-лейтенант, ево Омбу, и с подвластными ево в близость границы со взятъем аманатов допустить и принятием в подданство обнадежить определил. Однако ж к постановлению с ними повеленной по указу ея императорскаго величества из государственной Коллегии иностранных дел от 27 генваря сего году кондиции еще удержался до прибытия от наместника ханства Калмыцкаго Дундук Дайши нарочных, о чем он и Правительствующий Сенат и государственную Коллегию иностранных дел обстоятельно доносил. Но скоро ли те наместниковы люди могут прибыть, того невозможно познать, ибо и об отправлении их, как видно, ни здесь, ни у него неизвестно. А понеже они, зенгорцы, как выше значит, в таком утеснении обстоят, что уже им и разтощение чинится. И затем в приеме их под высочайшую ея императорскаго величества протекцию не могут время терпеть, того ради в какой силе я к нему, генерал-лейтенанту, на то ответствовал, со оного прилагаю при сем копию, ис которой государственная Коллегия иностранных дел соизволит усмотреть, что я за главное то уважал, дабы их по таким обстоятельствам от здешних рук не упустить, и тако сослався на вышеозначенной также и из Правительствующаго Сената в подтверждение онаго воспоследовавшей ея императорскаго величества указы, наипаче то ему советовал, что как бы то ни было, только по мнению моему, сего полезнаго случая упущать не надлежит. Но в силе тех указов всячески привлекать их должно, а особливо ежели усмотрится, что они к соединению с волскими калмыками размышления и отговорок оказывать не будут, то и действительным их принятием мешать нимало не надобно, ибо и наместнику ханства Калмыцкаго нарочных туда послать велено не для инаго чего, как для уговаривания их к тому соединению. Чего ради, дабы их не потерять, можно им и не откладывая до тех наместниковых людей, хотя издалека пристойным образом задачу о том учинить, и потому ежели склонятся, то в силе указу и действительно с ними поступить и прочее. А паче оное зависит

от рассмотрения реченной государственной Коллегии. Впрочем, здесь повсюду за помощью божиею обстоит спокойно и благополучно.

Иван Неплюев

Оренбург,
марта 12 дня
1756 году

(Архив внешней политики России, ф. 113, оп. 113/1, д. 4, 1755—1757 г., л. 206—207 об.)

Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из государственной Коллегии иностранных дел господину генералу-лейтенанту кавалеру и сибирскому губернатору Мятлеву*

Из доношения вашего от 26 февраля 756 году здесь усмотрено о приезжавших в Бикатунскую крепость татарах-двоеданцах с объявлением, яко зенгорские тринадцать зайсангов желают быть в подданстве ея императорскаго величества, а сверх того зенгорской же зайсанг Омбо, объявляя, что за долговременным невзятьем их в Россию многие уже из них и в мунгалы взяты, однако с ним, Омбою, бухарцов и уранхайцов еще человек до тысячи или более одних боевых людей останетца, просит о принятии его и с теми людьми наискоря, дабы его в Мунгалы не угнали, в протекцию ея императорскаго величества, обещая платить и подати, какие на них положены будут.

А ежели о том указу еще не получено, то б их для охранения от мунгалов хотя в близость к российским крепостям по способности на Иню и Белую реки пропустить. А ежели сие его прошение невероятно, то б взять от него аманатов из знатных старшин или из детей ево, и привести его к курану*. Причем он, Омбо, в здешнюю сторону дал знать и сие, что прибыли в улусы его, Омбы, от китайского хана тридцать человек для возстановления с киргис-касаками согласия, и имеют туда следовать чрез российские крепости.

* Императрица Елизавета Петровна

* Речь идет о клятве на коране. Русское правительство ошибочно считало Омбу и его людей мусульманами.

И когда присыланной от онаго зайсанга Омбы спрашиван был: по приеме его в подданство ея императорскаго величества где он намерен жительство иметь, и не похочет ли быть в соединении з братскими или волскими калмыками, то он на сие объявил, что помянутой зайсанг в те места итти за дальностию желания не имеет, а желает, как и выше написано, быть по рекам Чарышу, Белой и Ине, почему вы того зайсанга Омбу и з подвластными его в близость границы на реку Иню и Белую, со взятъем в аманаты сына его и из сродственников его лутчих людей, допустить, и принятием в подданство ея императорскаго величества обнадежить определили.

А китайским посланцам, ежели они при крепостях появятца, приказали объявить, чтоб они ехали куда, кроме российских крепостей усмотрят за способнее, а сюда притом представляете, что ежели те посланцы будут просить позволения о проезде чрез российския крепости, то в том, каким образом поступить, также вышеписанных определенных от вас взять в аманаты от зайсанга Омбы зайсангских детей по приеме на их ли собственном коште или на казенном содержать, а имеющим вступать в здешнее подданство зенгорских зайсангов детям, которых от них по присланному к вам из Коллегии иностранных дел указу от 24 генваря сего 1756 году при том случае взять велено, по скольку именно кормовых денег производить.

Здесь же получено доношение и от оренбургскаго губернатора господина действительнаго тайнаго советника Неплюева от 14 марта, которым он представлял, что вы и к нему о том писали, объявляя при том, что когда оным желающим здешняго подданства зенгорцам прием действительно начнетца, то для умножения на Сибирской линии войска неминуемо понадобятся и заведенные на Уйскую линию яицкие казаки. И чтоб их для того из нынешнего места не переводить, а когда востребуются, то б без задержания их туда выслать, на что помянутой действительной тайной советник Неплюев к вам, в разсуждении зенгорских зайсангов здешняго подданства желающих, писал, что понеже зенгорцы, как выше значит, в таком утеснении обстоят, что уже им и разсташение чинит-

ца и затем в приеме их в здешнюю протекцию времени терпеть не могут, того ради такого полезного случая упущать не надлежит, но всячески их, зенгорцов, привлекать должно. А особливо ежели усмотритца, что они к соединению, по намерению здешнему, с волскими калмыками размышления и отговорок оказывать не будут, то и действительным их принятием нимало мешкать ненадобно. Ибо и наместнику ханства Калмыцкого Дондук Даше нарочных туда послать велено не для инаго чего, как для уговаривания их к тому соединению, да и скоро ли оные наместниковы люди туда прибыть могут, неизвестно, чего ради им, зенгорцам, можно и не откладывая до тех наместниковых людей, хотя издалека пристойным образом задачу о том учинить. А ежели склонятца, то и действительно с ними в силе указа из Коллегии иностранных дел поступить. Но что принадлежит до требования вашего для того яицких казаков, на то вам действительной тайной советник Неплюев писал, что по великой отдаленности от Уйской линии тех мест, где приему зенгорских зайсангов быть надобно, яицкие казаки могли бы притти от того в несостояние, да и дойти туда им прежде половины лета нечаятельно, ибо им надобно итти по траве, следовательно, едва могут ли прежде того времени и выступить как зенгорцов препровождать надлежит. При том же они, яицкие казаки, и для прикрытия Уйской линии от киргис-казацких и бежавших иных бунтовщиков-башкирцов опасеней и других предосторожностей, а притом и для препровождения тех же зенгорцов по той Уйской линии, нужны. А в ведомстве вашем на такие нужные случаи нарочно выписанные из сибирских жилищ казаки есть, которым по указу ис правительствующаго Сената и жалованье определено, и тако яицких казаков в такую отдаленность без крайней нужды заводить и на Уйской линии оскудение в людях показывать, он, действительной тайной советник Неплюев, за сходно не признавает.

А что вы китайских посланцов, которые якобы киргис-казацкому Аблай салтану для постановления между ими согласия едут чрез крепости, пропустить не велели, но мимо оных их дорогою, как они знают, отсылать определили, тому и он согласен.

Потом получен от вас и еще репорт от 9 марта сего ж 1756 году, при котором присланы сюда два оригинальные письма зенгорских зайсангов, с которых и переводы для вашего известия при сем прилагаются, а оными письмами, как вы усмотрите, просят они зайсанги (объявляя о себе, что их двенатцать, а подвласных у них людей тысяча пятьсот кибиток) о принятии их в подданство ея императорскаго величества напротиву чего обещают они служить войском, и в летнее время иметь в готовности две тысячи, а в зимнее тысячу человек. Причем присыланной от них на Кузнецкую линию к полковнику Дегариге зайсанг Намки объявил, что бывшей зенгорской владелец Дабачи якобы в китайскую сторону захвачен и теперь в зенгорском народе главным владельцем старается утвердиться владелец Амурсанань, которой пред сим предавался в китайскую сторону, но оттуда бежал. И что противу оногo владельца китайское войско в собрании находится, притом же оной зайсанг, объявляя, что как он, так и протчие зайсанги, его товарищи, от которых он прислан, как у китайцов, так и у него, Амурсананя, в подданстве быть не хотят, просил о даче им несколько человек драгун для засвидетельствования китайцам и калмыкам, что они в подданство ея императорскаго величества вступили. А вы меж тем полковнику Дегариге приказали, ежели те желающие ея императорскаго величества протекции зенгорские зайсанги по намерению их иметь будут свое кочевье близ российских границ, в том им нималого препятствия не чинить, со взятьем от них аманатов, и притом иметь от них всевозможную предосторожность, дабы по допущении их в близость к российским жилищам ни малейших обид и насильства, паче ж нечаянного неприятельского нападения не было.

И на сие на все вам в резолюцию сим объявляется, понеже бывшие доньне в зенгорском народе владельцы по их особой силе, производящей как собственно от зенгорского многочисленного народа, так притом и от того, что они и многия смежныя им народы время от времени под власть свою привели, для Сибири совершенно опасными соседями были, как то и тем доказывается, что они до самого последнего владельца, называвшагося Эрдении Лама Батур хонтай-

джи, которой убит по старательству владельца Дебачи, и на многия сибирския места даже по самую реку Омь претензию производили, угрожая иногда и силою их отобрать, еже бы может быть и действительно от них уже воспоследовало, когда б со здешней стороны не выступая о том в самую точность под разными претекстами доньше в том времени продолжать не удавалось, как о том о всем вы обстоятельное известие из имеющихся в сибирской губернской канцелярии дел получить можете, в каковом разсуждении, и чтоб они, зенгорцы, сколько возможно со здешней стороны раздражаемы не были и тем наипаче причины не возымели о вышеписанной претензии настоять. И проезд им в барабинской народ, которой как известно, жительство имеет внутри здешних границ, для збирания обыкновенного албана запрещен не был, ибо хотя действительной тайной советник Неплюев в 1753-м году в Коллегию иностранных дел и представлял, что понеже они, барабинцы, не только от степных народов линиями уже огорожены, но и целыми уездами закрыты, следовательно, стали быть как и протчия подданныя народы внутри, почему других и привязывается к ним допускать видится нужды нет, но их противу того в Коллегии иностранных дел тогда разсуждаемо было, что ежели без всякого с зенгорским владельцем соглашения пропуск зборщикам его в Барабу пресечь и тем лишить его издавна полученного в барабинском народе участия, в таком случае и самого неприятельского нападения ожидать от него уже должно. Тем наипаче, что тогда из Сибири войск убавлено, а оставшие тамо в состоянии ли в зенгорской силе отпор учинить и не допустить их ворваться во внутренность Сибири. Также и тамошние крепости, которыя называются линиями, в таком ли оборонительном состоянии, чтоб оные против их силы устоять могли.

А при том при всем и Колывано-Воскресенской завод не будет ли в таком случае какой-либо опасности подтвержен. О том о всем здесь было неизвестно, и для того отправленным из Коллегии иностранных дел к действительному тайному советнику Неплюеву от 3 мая 1754 году указом велено было ему с вами и с бригадиром что ныне генерал-майор Крофтом общее разсуждение возыметь. Но вы на сие в Коллегию

иностранных дел от первого июня того ж 1754 года представляли, что ежели без соглашения с зенгорским владельцем пропуск зборщиков его в Барабу пресечь, то в таком случае неприятельского от него нападения совершенно ожидать должно. Причем и Кольвано-Воскресенской завод крайней опасности будет подвержен, ибо хотя по сибирским пограничным местам, яко то Кузнецкая, Кольванская, Иртышская и вново прожектированная линии учреждены и по оным в пристойных местах крепости, фарпосты и станцы застроены и для содержания их регулярныя и не регулярныя команды распределены, а в некоторых подлежащих крепостях и форпостах и артилерия есть, но за обширностию тех линий, которыя состоят на двух тысячах девятнадцати верстах и за убавкою в Сибири войск, зенгорской силе отпору учинить и чтоб их ворватся внутрь Сибири не допустить ненадежно, затем что оныя крепости и фарпосты один от другаго построены и состоят верстах в тридцати и более, между которыми тот неприятель с немалою силою ворватца легко случай сыскать может, и оттого его внутри Сибири отвратить, до разорения не допустить, и поиск над ними чинить будет некем, ибо распределенной по тем крепостям, фарпостам и линиям регулярной команды и казаков за недовольным числом отлучить и крепостей обнажить никак невозможно, а прибавки учинить неоткуда, в чем как бригадир Крофт, так и он, действительной тайной советник Неплюев с вами напоследи согласился. Того ради по такому слабому состоянью Сибирской стороны, к зенгорскому владению прилежащей, здесь за пользу признавается, чтоб зенгорской народ от внутренняго их беспокойства и междуусобия при случае нынешняго между владельцами их несогласия, также и от наступления, чинимаго им ныне же с китайской стороны без показания со здешней стороны неприятельства, приходил в упадок и безсилие. Ибо чем оной будет безсильнее, тем для безопасности Сибирского пограничного краю надежнее. А при том сколько б их и в китайскую сторону захвачено и не было, из того равным образом в рассуждении интересов ея императорскаго величества никакого предосуждения быть не может. Потому что оныя в их стороне без сумнения в близости от их прежних

жилищ, а потому, следовательно, и при здешних границах оставлены не будут, но будут заведены куда вдаль, да впротчем строго содержаны или и раскосованы быть имеют. По какой причине и со здешней стороны таким продолжающимся ныне в зенгорском народе смущением сколько возможно тако ж де пользоваться надлежит, толь наипаче что как выше написанные некоторые из зенгорских зайсангов с иминим от принятия их в подданство ея императорскаго величества усилно просят. Токмо сие особливому разсуждению подлежит, где их по принятии содержать, ибо сперва здесь такая резолюция принета была, чтоб их либо в братские или волские калмыки куда сами они похотят препроводить, но вы что до содержания их, зенгорцов, между братскими калмыками касается, сообщили действительному тайному советнику Неплюеву, как он о том сюда, в Коллегию иностранных дел, от 25 генваря сего 1756 года доносил свое разсуждение, по силе которого вы оное содержание почитаете за опасное для того, что там где братские калмыки жилище имеют, место самое пограничное и регулярными и нерегулярными людьми тако ж и жителями не только не умноженное, но и очень недостаточное, и ежели паче чаяния по причине нынешней у китайцов с зенгорцами войны с китайской стороны, оттуда забрать их похотели бы, в таком случае не только их сохранить, но и тамошнее пограничное с двух сторон место, яко то Кяхтинской форпост и город Нерчинск, где немалое размножение серебру происходит, защитить, прикрыть и за дальностию сикурсу получить безнадежно. Да и на самих тех желающих протекции, чтоб они тверды и безопасны были, по непостоянству их положится сумнительно, ибо ежели хотя малое что в неудовольствие свое они примут, то, усмотря означенную малость в тамошних местах войска и совершенной в жителях недостаток, лехко могут, тем братским и протчим учиня разорение, либо к китайской стороне склонится или на прежняя жилища пробратся. Те же братские калмыки издавна там своими жилищами уже обселились и, как известно, что некоторою частию и хлебопашество размножают, а зенгорцы, яко кочевой народ, к тому никакого сродства не имеют, и при кочевании их обыкновенно они разводят огни без всякой во

утушении их осторожности, от чего и потеряние лесам и вовсе искоренение зверным промыслам последовать может. Которые резоны, представленные от вас в рассуждении неудобного содержания зенгорцов в братских калмыках, принадлежат по большей части к рассмотрению. И при возволении испршиваемом зенгорским зайсангом Омбою о кочевании ему с подвласными его на реках Чарыш и протчих, потому что сколько здесь известно, оные реки впадают в реку Обь и имеют течение внутри крайних сибирских жилищ и по здешнюю сторону Колывано-Воскресенских заводов, которой на Белой, в Чарыш впадающей речке построин, притом же во всей тамошней стороне и военных людей недостаточно, следовательно, сколько вы в содержании зенгорцов в братских калмыках опасности предусматривали, то еще больше того, по здешнему рассуждению кажется, оной и при допущении зенгорцам по принятии их в подданство ея императорскаго величества непременно кочевать в близости Колывано-Воскресенского завода и других здешних слобод и деревень в отправленном ис Коллегии иностранных дел к действительному тайному советнику Неплюеву от 27 генваря сего 1756 году рескрипте, ис которого и вам для исполнения при указе от того ж числа сообщена копия, между другим писано, что желающих вступить в подданство ея императорскаго величества зенгорских зайсангов на таком основании дабы их допустить пребывание иметь при сибирских линиях в протекцию принимать за полезно не рассуждается. Ибо когда они при настоящем на тех линиях малолюдстве военных людей в такой близости от протчего зенгорскаго народа будут, то надобно рассуждать, что с зенгорской или киргис-касацкой стороны едва ли оставят их в покое.

И хотя б по нынешнему того зенгорскаго народа междуусобию и изнеможению сего и не случилось, но их на тамошних границах поселению привести невозможно, и по кочевному их состоянию ненадежно, чтоб они надолго в тех местах ужились. Толь наипаче, что они и о протекции ея императорскаго величества принуждены ныне просить только для того единого, чтоб чрез то им от мунгал спастись, а впредь паки быть свободным, в каковом намерении то б охотно и подать

вперед за три года, как тогда о том получено было известие, дать обещают, которую в другое время и природным своим владельцам с принуждения платят. Почему нелутчего уважения достойно и нынешнее их обещание о платеже в казну ея императорскаго величества ясака и о содержании для службы ея императорскаго величества в летнее время двух тысяч, а в зимнее тысячи человек войска, ибо что касается до наложения на них ясака, то онаго более тамошних двоеданцов на них положено быть не может. А потому что и сии последния в казну платят весьма немного, кажется такой с них сбор уже и одного того затруднения наградить не может с каким надобно бы было збирать оной с зенгорцов, яко к тому не преобыхших и только по крайней необходимости под сию тягость себя подвергающих. А и в разсуждении обещаемого от них войска тако ж де особливою пользы и по тому одному не видится, понеже на оное толь меньше положитца будет возможно, что им в тамошней стороне действовать оставалось бы только против своих однородцев-зенгорцов, яко против киргис-касак за дальностию употреблять их неспособно. Да оне и сами оставя дома от оных вдаль отлучитца не похотят и следовательно они к тамошней безопасности нимало способствовать не могут, но еще за ними смотрение иметь надлежало б, чтоб от них воровства не происходило или чтоб совсем не ушли, к чему еще и сие прибавить можно, что хотя б они сами из здешних границ отлучитца паче чаяния никогда не похотели но ежели когда впредь зенгорской народ в спокойное состояние придет и во оном настоящей владелец утвердитца, что по многочисленности зенгорского народа и других их подданных, и что здесь и о том неизвестно, дабы никого не оставалось ис таких зенгорских владельцев, которыя к наследству право имеют за невозможное почитать не должно, толь наипаче, что иногда в том и вышеозначенной владелец Амурсанан преуспеть может, ежели из ближних к тому наследников не останетца, то такой зенгорской владелец совершенно их тамо пред своими глазами в покое оставить и стерпеть не может, чтоб их ис такой близости и силою к себе не забрать при каковом неприятельском предприятии уже и без раззорения тамошних жилищ обойтись

не может. Причем и со здешней стороны без отражения зенгорского нападения оставить будет предосудительно, отчего и война воспоследовать может. И для того необходимость требует принимаемых в здешнее подданство зенгорцов от тамошних границ отводить вдаль. Но внутри Сибири и в отдаленности от тамошних границ таких теплых и для скота привольных мест нет, где б зенгорцы со скотом своим кочевать могли. Ибо все те места которыя простираются от зенгорской границы к северу по их состоянию к житью их за тамошнею стужею и глубокими снегами им неудобны. А как и выше написано, их, зенгорских калмык, к поселению привести ни которым образом невозможно. И потому Коллегия иностранных дел за теми резонами остаетца и ныне при прежнем своем разсуждении, чтоб зенгорцов, желающих быть в подданстве ея императорскаго величества, принимая препровождать по линиям в волские калмыки таким образом, как о том по посланному к вам из Коллегии иностранных дел от 27 генваря сего 1756 году указу определено. Ибо которые из них единаче туда зайдут, тем уже ко обратному побегу никакого способа совершенно не будет. Да и зенгорцам доставать их оттуда силою невозможно. А при всем том и прием их в здешнюю сторону им, зенгорцам, столько чувствителен быть не может, нежели когда б они в близости от них находились. И ежели б когда впредь и претензия в том произошла, то можно будет на сие зенгорцам ответствовать, что они приняты в здешнюю сторону в разсуждении того, понеже в 1701-м году при сыне Аюки-хана Санжипе из здешняго подданного торгоутского народа в зенгорской народ приняты здешния нойоны Данжин Сюнкеев сын, и его сыновья Аю, Малай и Араптан да его ж Данжиновы племянники Даднагара и Дарма с дватцатью тысечами кибиток улусных калмык, и для того в том взаимным образом и поступлено, а и особливо еще в такое время, когда зенгорской народ не имел настоящего владельца. Как о том о всем уже и на пред сего приложенною при указе к вам от 13 ноября минувшаго 1755 года для исполнения копиею с рескрипта к действительному тайному советнику Неплюеву от того ж числа отправленного наставление дано. Только ныне та трудность остаетца, что, как

и выше написано, присыланной от зенгорского зайсанга Омбы собою объявил, яко оной зайсанг как к братским, так и к волским калмыкам в соединение за дальностию итти не хочет. В каком намерении может быть и оной зайсанг Омбо с прочими находятца и так остается теперь ожидать, не склонятца ли они к тому по приезде отправляемых в Сибирь от наместника ханства Калмыцкого Дондук Даши нарочных попа и зайсанга, которые по полученному ныне здесь известию в непродолжительном уже времени к вам и отправлены быть имеют или уже и отправлены. А между тем и до приезда тех от наместника ханства посланных, и что оные зенгорские зайсанги неотступно просят о принятии их в здешния границы, представляя уже и опасности от продолжения чтоб их мунгалы не захватили, имеете вы по рассуждению сообщенному вам от действительного тайного советника Неплюева чрез кого заблагоразсудите приказать их еще именем вашим и просить в каком подлинно они намерении находятца. И не склонятца ли чтоб им для лутчей безопасности и удобства кочеванию со скотом их перейти к волским калмыкам и обнадеживая их, что они проведены быть имеют по линиям без всякого изнурения их со скотом и там врознь не раскоуютца. И ежели все, или некоторые из них, желание свое к тому предъявят, то во отправлении оных, хотя б к тому времени и от наместника ханства поп и зайсанг не приспели, так же и во взятые от них аманатов, имеете вы поступить по указу посланному к вам о том ис Коллегии иностранных дел от 27 генваря сего 1756 года, и оным аманатам в бытность их на границе в крепостях и на содержание их в пути производить кормовых денег по примеру тому, как и находящимся в Оренбурхе киргис-касацким аманатам производитца. А именно зайсангским детям по десяти, а будущим при них других калмык детям по пяти копеек каждому на день. Ежели ж бы они, зайсанги, и по такому чинимому им от вас обнадеживанию к переведению их в волские калмыки не склонились, а остались бы при том, чтоб они по принятии их в подданство ея императорскаго величества оставлены были при тамошних границах, то хотя в рассуждении изъясненной выше сего неполезности в содержании их тамо надлежало б

им в том отказать, и от здешних границ отбить, особливо ежели бы предугадать было можно, что они в таком случае не иным кем, но мунгалами захвачены были, но понеже из последняго доношения вашего видно, что они, как в китайском подданстве быть не хотят, так равным образом и от Амурсаня удаляютца. Из которых последнее обстоятельство тольвящее рассуждение заслуживает, понеже они не имея к тому видных причин совершенно б от своего народа удалятся не стали. И потому сумнение предстоит, чтоб они в случае им со здешней стороны отказа, не были принуждены отдатся в защищение по способности Средней киргис-казацкой орде, которая и без того уже полученными доньне над зенгорским народом при настоящем во оном смятении знатными авантажами взмерилась, и такое прибавление им и более к тому повода подать может. Да и другим зенгорцам, которые иногда впредь так же из своего народа отлучатся, принуждены будут примером служить имеет, от чего она орда и более в силу и в отважность на продерзости прийти может. Того ради в предупреждение сего здесь заблагоразсуждено вышеписанным зенгорским зайсангам, хотя б они в соединении к волским калмыкам и не пошли, от подданства ея императорскаго величества не отказывать, но по вышеозначенными рекам или в других местах внутри границ им кочевать позволить сие оставляется на тамошнее ваше рассмотрение, только чтоб от них российским жилищам опасности не было. А притом в лутчей залог их верности взять в крепости в аманаты от каждого зайсанга по одному сыну, а у которого детей нет, то из его родственников и из других старшинских детей, чтоб оно крепким обязательством им быть могло, которым и кормовые деньги производить против вышеписанного. Сверх того и самих зайсангов и их родственников и другую старшину привести к присяге по их обыкновению и закону, в чем во всем таким образом и поступить имеет, и чтоб они по вступлении их в подданство ея императорскаго величества с китайской стороны оставлены были в покое.

Ежели необходимость того будет требовать, надлежит вам с своей стороны в китайское войско, против зенгорцов собранное, от себя пристойным образом о том дать знать,

требуя, чтоб оные от них обеспокоены уже не были. Тем наипаче, что бывшей здесь у российского императорского двора в 1731-м году китайской посол Асхани. Амба Тоши с товарищи по указу своего богдохана по случаю их китайской бывшей тогда с зенгорцами войны, здесь представлял, что ежели некоторые зенгорские улусы от наступления их китайских войск будут уходить в Россию, то б оных принимать, обещая при том и из зенгорских земель, которые бы потребны были, в здешнюю сторону уступить. В которых же местах удобнее и безопаснее о том злодейства или уходу их, зенгорцов, за границу, впредь содержать их надобно, о том уже здесь точное рассуждение возымеется по получении от вас известия о действительном их в подданство вступлении и о прочих до них касающихся обстоятельствах, а особливо о подлинном их числе, ибо здесь приемлетца намерение, что ежели они не весьма великом числе состоять имеют, то б их по непрочности в них в тамошней стороне, со временем принудить и силою перейти к волским калмыкам.

А ежели они и с приходящими к ним впредь будут и в таком числе, что их к тому силою принудить будет невозможно, в таком случае за лучшее признается отпустить их со временем из здешних границ в отвратно, когда они сами того пожелают, или к тому вид покажут, или зенгорской владелец, которой в том народе усилится, того требовать будет, чем он со здешней стороны и одолжен быть может. А между тем всего по меньшей мере уже такая польза будет, что они удержаны будут от преданства их к Средней киргис-касацкой орде, усиление которой в рассуждении того, что киргис-касаки закона магометанского, а как в Сибири, так и в Оренбургской губернии магометан весьма много, еще опаснейшим почитаемо быть долженствует, нежели зенгорского народа. Но каким образом как первое, так и другое намерение производить в действо, и какое вы о всем том рассуждение возимеете, о том прислать вам в Коллегию иностранных дел обстоятельное мнение.

Со всем тем все вышеписанное служит вам в резолюцию только в рассуждении самых зенгорских калмык, и ежели между оными зенгорскими подданными, желающими подданства ея

императорскаго величества, сколько ни есть будут бухарцев и других из махометан, и таковых в соединении с волскими калмыками ни при каких обстоятельствах отпускать не надлежит, а имеете вы их поселить в Тобольску в тамошних юртах. А в случае немалого их числа, и по другим внутренним сибирским местам. Ибо хотя они тако ж де зенгорские подданные, однако же не природные. И будучи другаго от них, следовательно, и от здешних калмык, закона и языка, и соединять с ними, волскими калмыками, которые всегдашнее свое кочевье имеют близ кубанских и других горских махометанскаго закона народов, пользы не будет, а напротиву того упователно, что они и в Сибири, когда домами поселятся, ужиться могут. Ибо они, и особливо бухарцы, от большей части пропитание свое имеют купечеством, и понеже некоторые из сибирских двоedanцов, и особливо в Кузнецком уезде так же и в других тамошних же местах живущих, хотя в здешнюю сторону некоторую подать по временам платили, только судом и расправою, сколько здесь известно, были доньше ведомы в зенгорском народе. Того ради в запас вам при сем же случае предписывается, что ежели при вступлении зенгорцов в подданство ея императорскаго величества между ими несколько и из таковых двоedanцов быть имеет. Оных равным образом в волские калмыки отправлять да и при зайсангах зенгорских оставлять не надлежит. А можете их ныне же перевезть и поселить внутри Сибири где заблагоразсудите.

Впротчем определение учиненное вами о непропуске чрез здешние крепости китайских посланных, едущих Средней киргис-касацкой орды к Аблай салтану, тако ж де и разсуждение действительнаго тайнаго советника Неплюева о неполучении яицких казаков с Уйской на сибирские линии, для представленных от него резонов, и здесь апробуется.

В заключении сего еще вам определяется и сие, что ежели отправленные от наместника ханства Калмыцкаго Дондук Даши поп и зайсанг вышеписанных зенгорских двенатцать зайсангов к переходу к волским калмыкам не уговорят, в таком случае вам оных попа и зайсанга склонить, чтоб они еще чрез некоторое время на тамошней границе остались, дабы чрез них имеющих иногда впредь выходить к здешним границам

зенгорцов к такому переходу уговаривать было можно, и некоторые из них потому в соединение с волскими калмыками пожелают, оных вы туда и отправлять имеете. А протчих, которые того не пожелают, оставлять кочевать с теми, которые из пришедших ныне к здешним границам зайсангов на Волгу итти не похотят. Оным же отправленным к вам от наместника ханства попу и зайсангу объявить указом ея императорскаго величества, чтоб они при свидании их с находящимся ныне при тамошних границах зенгорскими зайсангами обстоятельно об них уведомилися и их расспросили о всех до зенгорского народа касающихся обстоятельствах, и какие в том народе по смерти бывшего у них владельца Галдан Череня и доныне произхождении были. И чтоб они, поп и зайсанг, о том сочинили на их калмыцком языке записку и поручили бы вам, а вам прислать оную сюда в Коллегию иностранных дел, ибо здесь чаятельно, что сим способом о нынешнем зенгорскаго народа состоянии можно будет подлиннее уведомиться...

А с сего указа в правительствующий Сенат подана копия, также сообщены копии в Военную коллегию и действительному тайному советнику Неплюеву.

Дан в Санкт-Петербурге 2 мая 1756 года.

На подлинном подписано тако: *граф Алексей Бестужев-Рюмин г. Михайло Воронцов*

Переводчик *Александр Турченинов*

Регистратор *Петр Попов*

Получен в Тоболске мая 24 дня 1756 году

[Гос. архив Омской области, ф. 1, е. х. 43, л. 238—251]

Словарь терминов

Авантаж — выгода, польза, благоприятное положение

Алман (албан) — дань, налоги

Аманат (оманат) — заложник

Башлык — глава административного образования или этно-территориальной группы

Белые калмыки — ак-теленгиты (телеуты)

Братские калмыки — буряты

Бурханы — скульптурные изображения персонажей буддийской мифологии

Бухарцы — Жители Средней Азии, Восточного Туркестана, а также группа населения Западной Сибири, образовавшаяся из переселенцев XV—XVI вв., смешавшихся с западносибирскими тюрками

Воевода — глава города с уездом — прилегающей к городу территории, подчиненной в административном отношении

Владелец — повелитель, правитель, властелин

Дьяк — канцелярский служащий

Зелье — порох

Казак — 1) Служилый человек, несущий пограничную сторожевую службу по найму, на определенных условиях

2) Представитель вольной военной общины с особым самоуправлением

Калмыки — алтайцы, буряты, ойраты и собственно калмыки

Кошлок — молодой бобер

Кыштым — данник, зависимый

Киргизы — енисейские кыргызы

Киргис -касаки (киргиз-кайсаки) — казахи

Контайджи (контайша, хунтайджи) — джунгарский хан

Комендант — должность, заменившая воеводу с 1710 г.

Лундыш (люндыш, лундуш) — сорт английского (лондонского) сукна

Мотчанье (модчанье) — промедление, мешканье

Мунгалы (мунгальцы) — монголы. Под мунгалами, мунгальским войском в сер. XVIII в. подразумеваются также подданные Цинской империи, цинские войска.

Мягкая рухлядь — пушнина

Настрафиль — сорт западноевропейского сукна среднего качества

Недособоль — молодой соболь с негустой шерстью

- Настрафиль** — сорт западноевропейского сукна среднего качества
- Недособоль** — молодой соболь с негустой шерстью
- Нойон** — старинный монгольский титул, которым обладали лица знатного происхождения, князья
- Однорядка** — верхний однобортный кафтан без воротника с длинными рукавами
- Острог** — город, селение, обнесенное деревянной стеной
- Пицаль** — огнестрельное оружие (ружье или пушка)
- Подъячий** — канцелярский служащий
- Претекст** — предлог, отговорка, извинение, ложная причина
- Сикурс** — помощь, поддержка
- Служилые** (служивые) люди — лица, находящиеся на гос. службе. Делились на «служилых людей по отечеству» (бояре, дворяне, дети боярские) и «служилых людей по прибору», набиравшихся из крестьян и городского населения
- Сорок** — единица счета, равная 40. Употреблялась для учета мелких предметов и мехов
- Станица (станец)** — в Сибири в XVII—XVIII вв. постоянный или временный военный пост (караул); небольшой конный отряд, посланный в разведку или с каким-либо поручением
- Стрельцы** — русское войско XVI — начала XVIII в., вооруженное огнестрельным оружием. Несли гарнизонную и пограничную службу.
- Толмач** — устный переводчик
- Уезд** — см. Воевода
- Урга** — ставка джунгарского хана
- Черные калмыки** — подданные Джунгарии (ойраты и тюрки-кочевники)
- Шерть** — клятва, присяга на верность. Сопровождалась символическими обрядами
- Язык** — пленный
- Ясак** — дань натурой
- Ясырь** — пленный, невольник

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Алтайцы в период борьбы России и Джунгарии за Алтай (XVII — середина XVIII в.)	5
Падение Джунгарии и присоединение алтайцев к России	27
Документы	57
Словарь терминов	118

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РОССИИ (исторический обзор и документы)

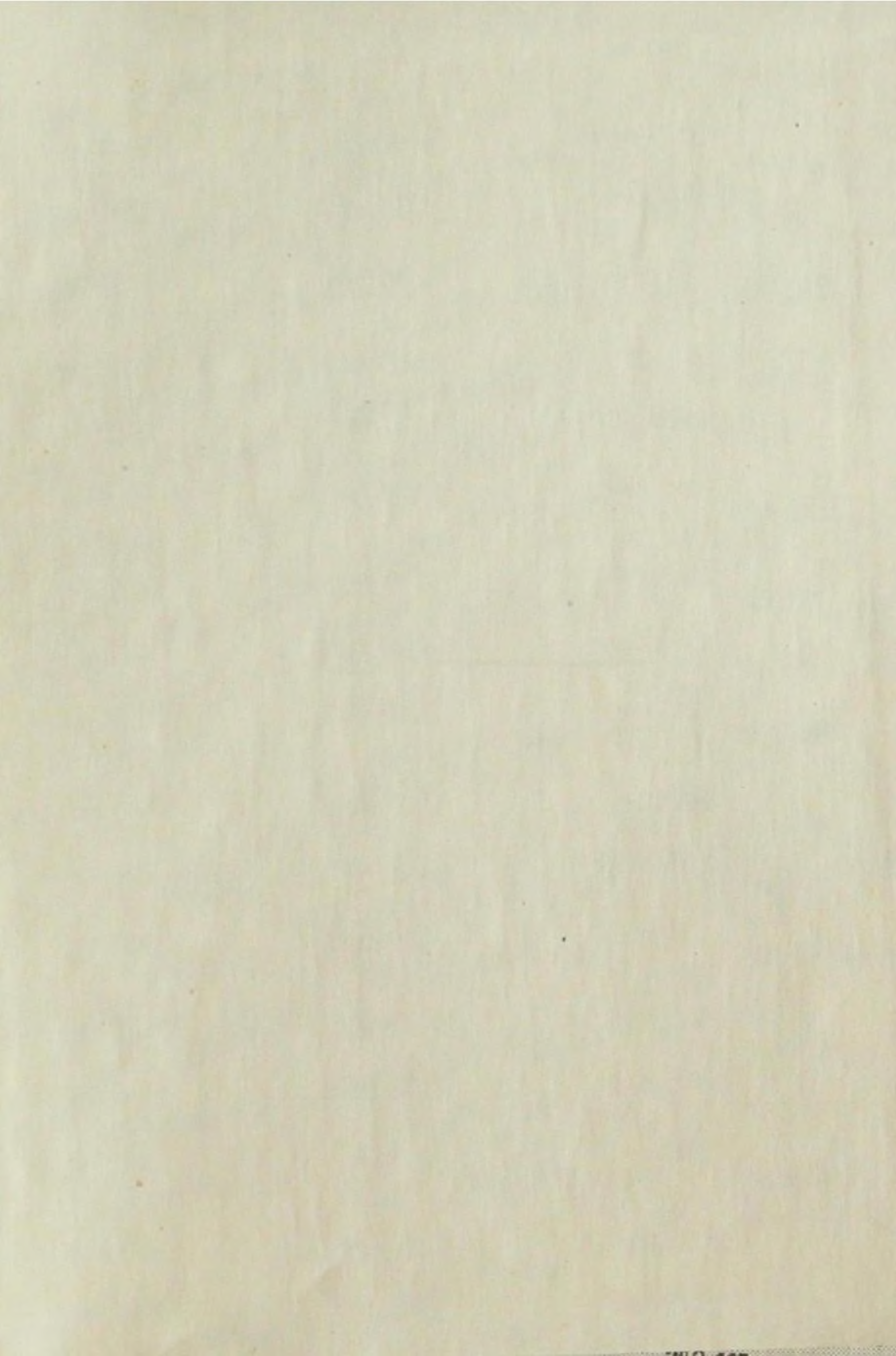
Г. П. Самаев

Художник обложки И. И. Ортонулов

Сдано в набор 02.03.96. Подписано в печать 25.06.96. Формат 60x84¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 7,5. Тираж 1000 экз. Заказ 2111.

ИЧП «Ак Чечек» 659700 г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 36.

Горно-Алтайская типография, 659700 г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический, 35.

257